ПЁТР САМОТАРЖ

НЕСОВЕРШЕННОЕ

Пётр Самотарж

Несовершенное

«Автор»

2011

Самотарж П.

Несовершенное / П. Самотарж — «Автор», 2011

Журналист Самсонов живёт в подмосковном райцентре, работает в местной газете и не ждёт славы, но задание написать статью об открытии мемориальной доски на одной из школ вводит его в мир людей, намертво связанных с прошлым...

© Самотарж П., 2011
© Автор, 2011

Самотарж Петр Петрович

Несовершенное

1. Тень времени

Сознательная жизнь мелкого борзописца Николая Игоревича Самсонова оказалась недостаточно долгой и мучительной, но он уверенно ждал смерти в том же доме, в котором родился. По миновании сорокового дня рождения журналист вдруг забыл свою жизнь и с первобытно наивной страстью погрузился в мысли о вечном и непреложном. Думал Николай Игоревич тяжко и пришел в результате своих гнетущих усилий к фразе, давно избитой до полусмерти другими растерянными людьми: человеческое бытие должно представлять собой жизнь, а не вереницу бесцветных дней.

Ощущения репортера с годами огрубели, движения потеряли легкость, шея хрустела и отзывалась болью при каждой попытке повернуть голову. По утрам, садясь в прихожей на галошницу и нагибаясь завязать шнурки, он всякий раз упирался животом в собственные колени и чувствовал, как завтрак выдавливается из желудка обратно на свежий воздух. Перебегая улицу в неположенном месте, Самсонов странно подпрыгивал и раскачивался на ходу, осязая свое тело бесформенным мешком картошки, и ненавидел его всеми силами изболевшейся усталой души. Одной из долгих темных и холодных зим в его левом ухе раздался звон, который продолжался без всяких видимых причин, то громче, то тише, но постоянно. Днем он почти не замечал этого шума, временами переходившего в визг огромного комара. Вечером и ночью, оставаясь один на один с немой темнотой и пытаясь уснуть, он вдруг осознавал себя совершенно одиноким среди наполненного воем мира и испытывал прилив мертвящего ужаса. Незримое привидение дышало вечным холодом ему в затылок и обещало продление концерта для обозленной флейты до скончания его короткого века, а бедный больной сжимался под одеялом в бессильный потный комок. Свои страхи Самсонов таил ото всех, ибо не желал выказать свою старость.

Жена Самсонова Лиза, плотно сбитая молчаливая брюнетка, оказалась с ним в одной постели исключительно по глубокой привязанности; она всегда оставалась там покорной и бессловесной, даже беззвучной. Супруги имели дочку с затейливым именем Серафима, незаметно для них обоих выросшую до пятилетнего возраста и удивлявшую всех родных и близких неутомимым рвением к жизни. Она страшно ненавидела дневной сон, всегда отвечала согласием на каждое предложение поесть и плакала, только встретив со стороны окружающих холодный лед невнимания. Лиза с равным усердием и радостью обнимала своими заботами дочку и мужа, не оставляя им ни малейшей возможности узнать неудобства или пренебрежение. Супруги жили тихо и бесшумно, не ходили по вечерам ни в гости, ни в кино, а других мест, куда можно было бы ходить, в городе не имелось. Войдя в означенный выше период своей жизни, Самсонов купил и принялся тщательно изучать довольно свежий немецкий каталог одежды с благородным намерением обновить облик всей семьи, хотя возможность заказать товар отсутствовала начисто. Занятная пухлая книга в мягком переплете обнаружила в себе цветные фотографии

моделей в нижнем белье, мало похожих на спутницу жизни заинтересованного читателя. На улице он также время от времени встречал женщин, в глазах которых светился праздник, и все дольше и дольше стал задумываться над причиной скучной обыденности в лице, жестах и словах его жены. Он обнаружил у нее лучики морщинок возле глаз, привычку улыбаться в моменты, которые казались ему неподходящими, и манеру раздеваться ко сну так, словно она хотела обезопасить себя на ночь от его притязаний.

Одним словом, жена расстроила Николая Игоревича длительностью их совместного бытия, поэтому он нашел женщину на стороне, которая почему-то оказалась очень похожей на жену. Сходство усугублялось тем обстоятельством, что Самсонов скрыл от наложницы факт существования жены, поскольку не питал уверенности в своей привлекательности и готовности его новой избранницы войти в двусмысленное положение. Город был пыльный, маленький и плотно набитый слухами от подвалов до чердаков своих старых домов, вследствие чего жизнь Самсонова стала невыносимой вдвойне – он лишился обоих жилищ и в итоге ютился попеременно то в редакции своей газеты, то в предоставленной ему по знакомству чужой комнате в коммуналке.

В новом положении дважды изгнанного Самсонова не устроило только исчезновение из его жизни дочери. В бытность свою семейным человеком он привык слышать каждый вечер истошный визг и вопль "Папа пришел!", громкий и преисполненный беспредельного восторга, словно разлука длилась никак не менее года. Девочка усердно познавала жизнь, приставая с вопросами без разбора ко всем, кто был выше ростом, то есть к каждому, кто оказывался в ее поле зрения. В ответ Самсонов чаще всего нес околесицу, чем вызывал безграничное возмущение Лизы, начинавшей с ним спорить и вселявшей тем самым в душу маленькой дочки уверенность в отсутствии абсолютных истин. Девочка смотрела на огромный мир широко открытыми глазами, в которых совсем не было страха, а только безграничная вера во всеобщность окружающего ее счастья. Серафима, Сима, Фимка казалась теперь журналисту единственным его достижением, и он все чаще вспоминал тот тоскливый вечер, когда он методично и многословно объяснял жене, почему ей придется избавить себя от нового бремени во имя благополучия всей семьи. Самсонов нашел тогда много доводов, на их изложение ему понадобился не один час, и ему самому стало скучно, поскольку ни одного из своих аргументов он не смог выдумать сам. В продолжение всей бесконечной речи несостоятельного мужа Лиза ничего не говорила и сидела, потупив взор. Теперь, проводя длинные вечера в одиночестве и без телевизора, репортер много думал, еще больше вспоминал и не хотел простить ей этого молчания.

Лишившись единственной своей гордости – дочери, Самсонов набросился, не преследуя ни системы, ни определенной цели, на труды всех профессиональных экспертов в деле поиска смысла жизни, которые попались ему на глаза в районной библиотеке. Репортер появлялся там в удобное для себя время, с гордо поднятой головой проходил мимо собственной жены, сидящей на абонементе, и молча пробирался к интересующим его стеллажам. Не спеша подобрав несколько томиков, он подходил к стойке и неизменно обнаруживал там другую сотрудницу – жена демонстративно удалялась из зала на период существования там постылого мужа. Тот с великолепным равнодушием проходил формальности, уходил из библиотеки в свою берлогу и погружался в чтение, получая удовольствие от процесса приобщения к высокой истине, недоступной для ограниченных умов. Он мысленно, а иногда и вслух, соглашался с каждым новым автором, но ни за какие деньги не смог бы изложить постороннему человеку систему взглядов того или другого любомудра. У Соловьева и Гегеля он не понял ничего, из прочитанного у Ницше запомнил только несколько афоризмов, в основном следующий: "У злых людей нет песен… А почему же у русских есть песни?" Осталась только смутная досада от осознания собственной интеллектуальной импотенции.

2. Мрамор памяти

Жизненный надлом объясняет и даже в некоторой степени оправдывает радость, мгновенно овладевшую Самсоновым, когда главред однажды вечером хмуро встретил его прямо в двери своего кабинета известием об исчезновении Ногинского.

– Сволочь, – не преминул заметить главный, обычно весьма добродушный толстяк, а теперь злющий боров с мокрыми редкими прядками волос, прилипшими к сияющей лысине. – Собственный материал бросил, не пожалел. Он подтолкнул по столу в сторону Самсонова потертую коричневую папку. – Возьми это и добей. Черт знает что, позора не оберемся. Газета, конечно, не телевидение, но должна же быть какая-то мера, черт побери. В пятницу к трем часам дня, как штык, сдай полторы тысячи слов. Семен приличную подборку снимков уже отщелкал, дело только за тобой.

Ногинский числился местной звездой. Он имел поэтическую седую шевелюру и дружелюбный взгляд завзятого алкоголика, повергающего всех его новых знакомых в убеждение, что они провели рядом с ним всю свою жизнь. Бездетный холостяк, Ногинский сохранил до своего изрядного возраста веру в человечество и заражал ею людей, от которых ждал информации. Кажущийся наивный оптимизм опытного душеведа пробуждал в людях неведомые им самим добрые чувства и открывал негодяю безграничные возможности в получении ценных сведений. Самсонов же, благодаря несчастной способности к работе на компьютере, чаще выступал в качестве машинистки или верстальщика, чем автора, и несколько принадлежащих его перу заметок, увидевших свет в течение пяти лет, уже давно не только не тешили его самолюбие, а напротив, свидетельствовали о провале профессиональной карьеры. Сделав равнодушное лицо и пробормотав пару невразумительных слов о своей обязательности и ответственности перед родной редакцией, он дрожащими руками сгреб с начальственного стола заветную папку и удалился из кабинета чуть не вприпрыжку.

Лицо Самсонова, очевидно, несло на себе несмываемую печать только что пережитого, поскольку молоденькая секретарша и одновременно корректорша Даша, едва увидев его, безразлично спросила:

– Что, получил материал Ногинского?

Самсонов деревянно кивнул. Даша не могла и не пыталась постичь его переживания, а просто сказала с прежней беззаботностью:

– Посмотри там у него в столе – он на днях какую-то кассету принес с телевидения, целый день ругался. Не знаешь, что с ним стряслось такое? Жил себе и жил человек, работал и работал, вдруг сорвался и, как ненормальный, ни с того, ни с сего, умчался за горизонт.

– Не знаю. А почему за горизонт? Он что, уехал?

– Еще как уехал! Никто не знает, где его искать.

– Даже так?

– Именно так. Ты ведь знаешь, старик обожал поболтать, но я не помню, чтобы он хоть раз упоминал о своих родных и близких. Все его истории были о друзьях, и все они живут где-то здесь, но их адресов никто не знает.

Даша, кажется, искренне переживала за судьбу исчезнувшего Ногинского, хотя, кроме регулярных совместных чаепитий в компании с остальными сотрудниками редакции, никаких отношений с ним не поддерживала. Самсонов, горящий желанием открыть папку, попытался молча пройти к своему столу, но неприятное предчувствие его остановило.

– А ты не знаешь, что за материал он готовил?

– Так вот же, папка у тебя в руках, – удивилась Даша.

– Папка папкой, а что он тебе рассказывал? Зачем ходил на телевидение за кассетой?

– Да ну тебя, – пожала плечиками Даша, отвернулась и вновь озабоченно погрузилась в ворох испещренных разноцветными пометками листов компьютерных распечаток. – Могла ведь вообще ничего тебе не сказать, так бы и ушел без всяких вопросов.

Самсонов приблизился к ней сзади с повадкой тайного эротомана во вкрадчивых движениях, осторожно положил руки на узкие покатые плечики и склонился над жертвой своей лысеющей, но коротко стриженной и поэтому не курчавой головой. Даша была выше него ростом, узенькая не только в плечах, но и в груди, в талии и бедрах, золотистые волосы рассыпались волнистым водопадом по спине, поперек которой проступали сквозь тонкую ткань блузки очертания изящного лифчика, и возбуждение стареющего неудачливого женатика и ходока с каждой секундой становилось все менее наигранным.

– Даша, – произнес он коротко и увесисто, словно собирался дать ей смертельно опасное задание. – Ногинский ведь мне дела сдавать не собирался. Он понакатал там заметок для своего внутреннего потребления, в которых мне минимум сутки разбираться, а у меня их всего ничего в распоряжении, чтобы вынырнуть на поверхность. Ты ведь не хочешь, чтобы я захлебнулся в омуте, как сом под корягой?

– Сом не может захлебнуться, пусть даже и под корягой.

– Да, действительно. Тогда ты ведь не хочешь, чтобы главный высосал из меня жизненные соки, как сом из утопленника?

– А что, сомы высасывают жизненные соки из утопленников? – оживилась Даша, бросив на короткое время свои неотложные бумаги и обернувшись к нахлебнику заинтересованной мордашкой.

– Возможно. К слову пришлось. Фраза показалось эффектной. Не все ли тебе равно, в самом деле? Ты лучше не увиливай от творения блага ближнему своему.

– На кассете запись их программы об открытии этой доски, – сдалась информированная не по годам девушка, вновь погружаясь в мир русской орфографии и стилистики.

– Какой доски?

– Господи, Самсонов, да разберись ты сам в этих бумагах, с какой стати я должна вводить тебя в курс? Ты, кстати, тоже здесь работаешь, почему же ничего об этом не знаешь?

– Хотел бы я знать, почему. Так что за доска?

– Да мемориальная доска на школе, в память о выпускнике, который погиб в Афгане. На этой неделе открыли, кажется. Сюжет по телевидению уже прошел, а главный вознамерился дать очерк в возвышенных тонах с широкими обобщениями и поручил Ногинскому. Тот немного побегал-побегал, а потом выругался, пообещал в стиле Кармазинова положить перо и исчез.

– Если ты так много знаешь о проблеме, – вкрадчиво нажимал Самсонов, – то не могла не разобрать хотя бы нескольких слов старика о теме. Наверняка, он тебе душу излил, чтобы ты его пожалела.

Даша хмыкнула неопределенно, передернула плечиками и рассеянно, отсутствуя мыслями, проговорила:

– Кажется, обещал разнести журналистский цех по кирпичику и что-то городил о нежелании вить из себя веревки. Ничего определенного.

Источник окончательно иссяк, Самсонов некоторое время упорно смотрел ей в затылок, затем коротко вздохнул, деловым несуетливым шагом подошел к столу пропавшего конкурента, пошарил в набитых бумажно-картонным хламом ящиках, выудил оттуда бытовую видеокассету без футляра и удалился из редакции с чувством страждущего в пустыне, уверившегося в нереальности миража.

В коммуналке из трех комнат не оказалось ни одного из жильцов, поэтому озадаченный журналист проследовал в свои апартаменты беспрепятственно, что можно было счесть добрым знаком, бросил кассету на раскладушку, а сам сел на пол, прислонившись спиной к стене, и

раскрыл на коленях таинственную папку. Главным ее наполнением оказались листы чистой писчей бумаги.

Зато сверху лежали несколько страниц, вдоль и поперек исписанных крупным почерком мэтра районной журналистики. Все буквы русского алфавита под его рукой оказывались почему-то заостренными, словно утыканные пиками по макушкам, отчего текст воспринимался как острый и злободневный еще до прочтения. А прочесть его было нелегко. Собственно, записи и не представляли собой связного текста, а только разрозненные заметки, расположенные без всякого намека на систему. Ногинский, как человек старой формации, не располагающий, к тому же, излишками денежных средств, пользовался в работе банальным блокнотом, купленным в магазине по соседству, которого в папке не оказалось. В его глазах, очевидно, обнаруженные пытливым и нетерпеливым Самсоновым бумаги являлись черновым макетом будущего очерка. Вот только утомленный ум исследователя был бессилен объять представшие перед ним слова и фразы в целом.

Собственно, сие прискорбное обстоятельство нисколько не расстроило журналиста. Он ведь не считал себя плагиатором и не планировал им становиться. Он просто спасал редакцию от невольной демонстрации ее профнепригодности как уверенного в себе новостного коллектива, пусть и местного масштаба. На второй странице, уже после разбросанных в живописном беспорядке сведений о номере и адресе школы, дате открытия мемориальной доски, имени героя, а также о множестве обстоятельств, постичь смысл которых казалось в принципе невозможным, Самсонов вдруг обнаружил то, чего страждал – ключ к продолжению расследования. В нижнем углу столбиком значились явно номера телефонов с именами и отчествами пока не известных ему людей. Выше всех стоял некий "Петр Ник.", за ним следовали "Светл. Ив." и "Мар. Пав." Думать совершенно не приходилось – разумеется, нужно звонить Петру Николаевичу. Прежде, чем связываться с женщинами, нужно собрать о них максимум информации, дабы первым неловким словом не разрушить на веки вечные доверие к своей особе. Подобный алгоритм действий в отношении особ непредсказуемого пола Николай Игоревич выработал в период своих интриганских хитросплетений меж двух домов, но, главным образом, еще раньше. В те стародавние времена он, мучительно и бесконечное число раз ошибаясь, пытался найти слова и поступки, которые впервые проложили бы ему путь к лону беспредельного и неописуемого восторга, сбивчиво и нечленораздельно описанного ему старшими товарищами во дворе.

Летний вечер затягивался до бесконечности, за окном было все еще светло, но идти немедленно искать телефон Самсонов не хотел. Теперь он страстно желал отсмотреть кассету с видеосюжетом телестудии на интересующую его тему и в осуществление своего последнего желания стал терпеливо ждать возвращения одного из соседей, самого беспутного и безалаберного – Алешки, обладателя антикварного видеомагнитофона, используемого им исключительно для просмотра разнообразнейшей порнографии, доступной на полулегальном и чуть ли не подпольном рынке. Пристрастия не в меру сексуального соседа смущали, а иногда и пугали тихого журналиста, в своей интимной жизни не знавшего почти ничего, кроме миссионерской позы и поцелуя в пухлый женский сосок. Каждая его ночевка в злосчастной коммуналке сопровождалась длительным спором с Алешкой, настырно завлекавшим, а иногда и чуть ли не силой тащившим его в запретную комнату для совместного просмотра горячительного видео. Самсонова давно мучила жгучая потребность задать сластотерпцу язвительный вопрос о причинах непременного отсутствия в его комнате живых женщин из реальной жизни, но всякий раз смелости хватало только на безвольное и немое шлепанье губами.

Впервые за все время соседского существования журналисту понадобился непутевый Алешка, и его пришлось ждать несколько часов. Николай Игоревич провел их, глядя в окно и мечтая о светлом личном будущем овеянной славой районной знаменитости, творческом удовлетворении и раскаянии брошенной жены, осознавшей допущенную по отношению к талант-

ливому мужу чрезмерную жестокость. Самсонов желал собственную жену, как никогда ранее, и именно теперь не мог даже посмотреть на нее, хотя бы издалека, словно жизнь накатила на него паровым катком античного рока в отместку за долгую беззаботность в прошлом. Во дворе копошились в песочнице дети, словно желая своим невинным обликом напомнить созерцателю о его моральной неполноценности. В конце концов, утомленный переживанием невыгодного сравнения, журналист замкнул область своего внимания более узким кругом, ограниченным расстоянием его вытянутой руки. Кроме безудержного мечтателя, в комнате находились древние, как сама ложь, гардероб и сервант из коричневого неполированного дерева, зато с резьбой на дверцах. Николай Игоревич уже давно знал это, хотя реликтовая мебель была плотно укутана пыльными полиэтиленовыми простынями для защиты от времени. Причина его всеведения была проста, как разгадка жизни – прежде он не раз забирался под мебельный саван, влекомый объяснимым человеческим любопытством. Комната не принадлежала ему, гардероб и сервант не принадлежали ему, даже полиэтилен не принадлежал ему – но он жил здесь, поэтому считал естественным и безобидным делом сунуть нос в чью-то память о прошлой жизни. Иногда Самсонову казалось, будто угрюмая мебель венчает собой могилу бывших хозяев, что до некоторой степени соответствовало истине – гардероб, казалось, еще хранил запах вещей своих владельцев, а в серванте даже пылилась никому уже не нужная щербатая дешевая посуда. Он толком не знал, кем были исчезнувшие из квартиры люди, и почему их владения оказались вдруг в его бесцеремонном пользовании. Возможно, они продолжали дышать полной грудью в более эстетичном месте, но Самсонову хотелось думать, что они мертвы, а он продолжает земной путь вместо них – тогда его существование само собой наполнялось глубоким смыслом без всяких дополнительных усилий. Мысли журналиста о вечном оборвались грохотом в коридоре – каждый день непутевый Алешка по несколько раз спотыкался о собственное старое корыто.

Выждав некоторое время для приличия, Самсонов пробрался сумрачным коридором к соседской двери и проник в нее, встреченный бурным изъявлением восторга со стороны хозяина. Тот выражал твердую уверенность в том, что его коллекция невообразимого порно нашла, наконец, нового почитателя. Коллекция действительно впечатляла – кассеты лежали на столе, под кроватью, рядом с электроплиткой на полу, а под столиком с телевизором их высилась целая груда.

Хозяин комнаты, в расстегнутой до пупка рубахе, давно не чесанный и не бритый, с расплывчатым взором не способных к фокусировке глаз, с широко распахнутыми руками, кричал долго и не слишком связно:

– А, Колян! Зашел! Я грю – зашел и… и не пожалеешь. Чстно слово, не пожалеешь! У меня тут такое! Такое! Такие групповухи – улёт! Такой трах, такой трах!

Алешкин восторг не знал рамок и пределов, поэтому Самсонов прямо с порога начал предпринимать попытки вставить хотя бы одно слово во встречный бурный поток, которое позволило бы ему выплыть к намеченной цели.

– А, ты свою принес! Новье? Чики-чики, щас позырим!

Истратив впустую несколько попыток, Алешка изловчился, наконец, задвинуть телевизионную кассету в видеомагнитофон и приготовился получать удовольствие от ни разу еще не жеваной продукции видеоподполья. Отчаявшись прояснить ситуацию устно, журналист решил действовать нахрапом, поставив видеомана перед фактом и отказав ему в праве самостоятельно определять репертуар домашнего видеотеатра. Алешка долго, нудно и весьма шумно не мог смириться с невинным содержанием запущенного сюжета, поэтому Самсонов пообещал ему впереди съемки скрытой камерой в женской раздевалке – тонкость замысла состояла в том, что измученный агрегат давно утратил способность к перемотке ленты, вследствие чего нетерпеливому эротоману пришлось стиснуть зубы и ждать.

На экране сначала всплыл общий вид школы, закадровый голос объяснил, что именно эту школу закончил в свое время молодой человек по имени Александр Первухин, которого одно-

классники запомнили как скромного и доброго юношу, который всегда приходил на помощь, когда у его знакомых возникали проблемы. После школы Александра призвали в армию, где он и погиб ровно двадцать лет тому назад. В кадре возникла пожилая полная женщина, оказавшаяся матерью главного героя. Она перебирала письма сына и рассказывала о том, с каким нетерпением она их ждала, а всеведущий бестелесный голос зачитывал их, и казалось, будто письма написаны Тургеневым. В них звучали подлинные сыновние чувства, забота, желание успокоить, и текст лился ровно и величаво, подобно сибирской реке. Далее снова возникло здание школы, теперь уже крупно – часть стены с мемориальной доской, с которой прямо в кадре сдернули покрывало, обнажив серый прямоугольник со светлыми буквами:

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ПЕРВУХИН

выпускник 1980 года

пал смертью храбрых в 1984 году

при исполнении интернационального долга в Афганистане.

Камера "отъехала", на экране появились люди, присутствовавшие на церемонии, но ни один из них не произнес для телезрителей ни единого слова, за всех продолжал говорить только голос невидимки. До самого финала сюжета голос не сказал больше ничего нового.

– А раздевалка где? – обиделся Алешка, глядя на серый снег, сменивший изображение.

– Наверно, кассету перепутал, – задумчиво ответил Самсонов, разрядил видеомагнитофон и удалился в свою комнату, не слушая возмущенного бормотания обманутого соседа.

Сюжет показался ему бесконечно обычным, сотым или тысячным в длинном ряду прежде уже виденных. И что же здесь могло так взъярить Ногинского? Почему столь невинный репортаж повлек за собой исчезновение человека, без которого казалось сомнительным само дальнейшее существование целой газеты? Уединившись в одном помещении с похороненной мебелью, Николай с разбегу плюхнулся на раскладушку и понял, что не поужинает сегодня даже плавленым сырком. Холостяцкий ужин выглядел теперь неуместимым в потоке наполнившейся таинственным смыслом жизни. Журналист впервые в жизни обнаружил перед собой необходимость провести расследование, причем никто не собирался ему препятствовать.

Комната неуклонно наливалась сумерками, как "Титаник" холодной арктической водой. Журналистский опыт, хотя и скудный, подсказывал Самсонову, что реальная история наверное имела мало общего с рассказанной, но старый зубр не вчера ступил на газетную стезю прямиком со школьной скамьи, и ромашка не торчала у него за ухом. Не мог же парень двадцати лет от роду оказаться настолько отталкивающим типом, чтобы вывести из душевного равновесия человека, проведшего жизнь в приноравливании своего языка к искусству не спешить за мыслями и достигшего на сем поприще заметных успехов! Не может рыба захлебнуться, не может птица упасть на грешную землю из разочарования в тяжелом осеннем небе, не может навозный жук возжелать нектар – зачем изобретать себе незаживающие душевные раны? Неугомонный Алешка снова врубил у себя в комнате на полную мощь очередное видеосвидетельство чужой

половой страсти, чтобы поделиться своим купленным по сходной цене счастьем с соседями. Безудержные вопли и прочие ритмичные звуки сквозь две двери и темный коридор добрались до журналистской кельи и подсказали скромному слушателю обыденную мысль о сермяжной простоте земного существования человека. Успокоившись ею, Самсонов тихо утонул в безмятежном сне, и до самого утра мозг ни разу не обеспокоил его никакими призрачными видениями.

3. Преступления страсти

Утром Николай Игоревич уже ощущал себя Колькой, чего с ним не случалось несколько последних лет. Бодрый и свежий, полный светлых надежд, он позавтракал сворованным на общей кухне чаем в сопровождении чего-то сухого и безвкусного, дошел за четверть часа до редакции и в мгновение ока, как и полагалось ему в его новом состоянии, созвонился с намеченным для первого интервью Петром Николаевичем. Тот, правда, оказался в действительности обладателем дивного отчества "Никанорыч", которое, видимо, служило ему бесплатной кличкой в детские годы. Тем не менее, телефонный разговор задался с самого начала, а закончился договоренностью о личной встрече в кафе "Лунная дорожка". Оно представляло собой маленький одноэтажный домик, облицованный оранжевым кирпичом и укрытый пластиковой черепицей, к которому на уровне земли был пристроен деревянный настил с поручнями под тентом с рекламой пива, где горожане сполна наслаждались возможностью живого общения под струями свежего летнего бриза. Кафе помещалось на берегу затерянного среди пятиэтажек пожарного пруда, как оазис в безводной пустыне, всего в паре кварталов от редакции, как и много других примечательных объектов города, никогда не отличавшегося великими размерами.

Журналист пришел первым, сидел на открытой террасе при кафе и видел, как приехал на тюнингованной "Ладе-112" его гость. Машина цвета "красный металлик" катилась на колесах с восхитительными биметаллическими дисками на манер монет девяносто третьего года: никелированные блестящие спицы и золотистые сияющие обода. Сам персонаж оказался высоким, плечистым и солидным малым, одетым в костюм при галстуке в косую полоску и обутый в сияющие зеркальной чернотой штиблеты с узкими квадратными носами. Он вышел из машины неторопливо, с вескостью в каждом движении, оглядел немногочисленную в утренний час публику, желая опознать Самсонова по его словесному автопортрету, увидел выжидательно привставшего и поднявшего руку журналиста, подошел к нему, поздоровался и присел за столик с уверенностью завсегдатая. Петр Никанорыч нисколько не удивился повторному визиту журналиста по одному и тому же поводу, но мнение его о причинах оного оказалось в корне ошибочным. Он с ходу, уже через мгновение после рукопожатия, начал в постепенно нарастающем темпе возмущенно рассказывать об ошибке, вкравшейся в текст на мемориальной доске – Первухин вовсе не являлся выпускником 1980 года. В восьмидесятом году в школе вообще не было выпуска, поскольку она открылась лишь в январе – все окрестные школы сбросили в нее по разнарядке роно свой "балласт", но десятые классы за две четверти до экзаменов с места, разумеется, никто не трогал.

– Простите, Петр Никанорыч, – со всей возможной вежливостью и даже нежностью вставил свое слово Самсонов. – Возможно, ситуация покажется вам странной, но у нас в редакции обнаружились некоторые проблемы. Журналист, с которым вы беседовали в прошлый раз, к сожалению, отказался от сюжета и, в сущности, не оставил никаких собранных им материалов.

Честно говоря, мне нужно для начала просто войти в тему. Я выудил ваш телефон из черновиков, но практически ничего другого в них разобрать не успел.

Журналист быстро понял, что неприлично много говорит о себе, и постарался срочно перевести стрелки на интервьюируемого. Тот с неожиданным пониманием отнесся к странным методам работы местной печати и начал с ленцой, но без видимого раздражения отвечать на тихие вопросы Самсонова.

Никанорыч оказался бывшим одноклассником Первухина, проучившимся с ним в одном классе полтора последних школьных года. Они не были особыми друзьями, просто приятелями, пили иногда вместе пиво, а то и что-нибудь посущественнее – и не только в гостях друг у друга. В этот момент и началось постепенное преображение мраморного героя в когда-то живого человека. Самсонов ждал его, знал о его неизбежности, но все равно не оказался готовым.

Сашка Первухин учебным процессом себя не изнурял, о необходимости и неизбежности окончания школы совсем не думал и больше всего на свете предпочитал изумлять приятелей необыкновенным количеством известных ему анекдотов, которые всегда оказывались абсолютно свежими и никем еще не слышанными. Некоторые на полном серьезе утверждали, что он сам их и выдумывает, запуская свои шальные произведения в мир, словно бестолковые разноцветные шарики в чистое голубое небо. Разболтанной жизнью своей он мог бы удивить кого угодно, кроме тогдашнего юного Никанорыча – тот и сам шел к взрослению дорогой ухабистой и запутанной. Летом между девятым и десятым классом Сашка в ночной драке в парке у залитой светом танцплощадки получил удар отверткой под ребра. Враг, всадив длинное узкое жало в податливое тело, изо всех сил рванул рукоятку, чтобы отломить ее и осложнить задачу врачам, но подлой цели своей не достиг – оружие лишь согнулось, но не затерялось в юной плоти и кровь из рваной раны не выпустило. Никанорыч сидел тогда рядом с Сашкой в ожидании "скорой помощи" и не видел в тени развесистой черемухи лица раненого, лишь слышал трудное дыхание сквозь отдаленную музыку, словно смотрел кино, только оно казалось ему слишком страшным и ненужным.

– Я тогда впервые замочил руки чужой кровью, признался рассказчик, машинально помешивая ложечкой свой кофе, – потом дома отмывал и чуть сознание не потерял – в раковине будто свинью зарезали. Даже странно – что за штука такая – кровь? Подумаешь, на руках осталась – всего ничего! А вот водой разбавилась – и здрасьте, пожалуйста. Сразу так много ее стало. Ты, журналист, что о крови знаешь?

– Не больше других, – признался Самсонов, мысленному взору которого картина представилась весьма явственно. Кровь всегда ему казалась чем-то из разряда физиологического, и ничего поэтического он в ней не замечал с самого детства, когда мама дула на его смазанные зеленкой ободранные коленки. – А девушка у него тогда была? – выдал вдруг журналист свой потаенный интерес к душевному, без которого никакой персонаж ни за что не оживет в очерке, сколько его не раскрашивай.

– Была, конечно, – твердо заявил Никанорыч, – Светка. Только он обиделся на нее в тот раз, потому что она в больницу не приехала. Хотя обижаться ему стоило на самого себя – отвертку-то он заполучил из-за другой. Начал зачем-то обхаживать чужую телку, наверное, и сам не знал, зачем. Просто так. Потому что на глаза попалась.

– А со Светланой у него серьезно было?

– В десятом-то классе? Думаю, настолько серьезно, насколько случается в телячьем возрасте.

Сашке сделали операцию под общим наркозом, зашили распоротые внутренние органы, утром он очнулся среди чужих людей и разозлился отсутствием знакомых лиц. Дело не в том, что ему хотелось бы видеть вокруг суматошную толпу близких, озабоченных желанием помочь ему. Он просто сделал спокойно обдуманный вывод: моя жизнь не нужна никому, в том числе

и мне самому. Возможно, только врачам, не желающим портить статистику своей больницы. В палате лежала дюжина мужиков разного возраста, которых он совсем не интересовал, санитарки оказались сплошь толстыми и старыми, сухой, как Каракумы, врач заходил изредка убедиться в его неминуемом выздоровлении. А Сашка смотрел в потолок и не знал, зачем ему, собственно, выздоравливать.

– Светлана совсем не пришла? – уточнил Самсонов.

– Совсем, – кивнул утвердительно Никанорыч.

– Но мать-то пришла, я думаю?

– Пришла. Через три дня – ее не было в городе, она уезжала к родне. Следователь к нему приходил, но никого не арестовали, и, соответственно, суда не было. Да Сашка, если бы и хотел, ничего бы не рассказал – парни незнакомые, все изрядно на взводе.

А он и не хотел ничего никому рассказывать. Тосковал только по блаженной прошлой жизни, когда наивно казался самому себе едва ли не центром Вселенной.

– А вы хорошо знали Светлану?

– Совсем не знал, – безразлично пожал плечами Никанорыч. – Видел только. Выжженная блондинка, как и все. Ничего не могу о ней сказать, ни хорошего, ни плохого.

– Так она не с вами училась?

– Нет, это у Сашки осталась память от старой школы.

Первухин о ней совсем ничего никому не рассказывал. Он вел вольготную жизнь, дома появлялся не каждую ночь, а в светлое время суток вовсе никогда. Школа долго казалась ему досадной помехой, неизвестно кем изобретенной для порчи личной жизни свободных духом людей. Такие же вольные, как и он, девчонки роились вокруг него непрестанно, и каждая могла бы при необходимости часами рассказывать, чем он ее манит, не подозревая о занятной странности – каждую из роя своих поклонниц юный Сашка очаровывал совсем не тем же, чем остальных. Каждая из соблазненных им имела своего персонального Первухина, и они не ревновали его друг к другу, даже будучи осведомлены о его неверности. Он казался созданным для плотского греха, как дамасский клинок для своих золотых ножен. Но Светка оставалась в этой разнузданной жизни белой фигурой умолчания – толком ее никто и не видел, отчего она представала взору окружающих Сашку людей нереальным воздушным видением, весьма нелепым в антураже античного разврата.

– А как вы считаете, они сохранили отношения после школы?

– Насколько я могу судить, да. Это, кстати, приводило всех в крайнее изумление. Она ведь школу закончила с золотой медалью, поступила в университет и уехала учиться, а он получил свою справку и устроился работать грузчиком в магазине, потому что из ненависти к учебе любого рода не пожелал идти в ПТУ или учеником на производство. Решил, что хоть на грузчика учиться не придется. Кстати, не совсем прав оказался – там ведь тоже свои секреты ремесла имеются, просто осваиваются они на практике, а не в теории.

Самсонов слушал все внимательней, словно вчитывался в новый роман, но имел преимущество перед читателем – он мог уточнить интересующие его детали непосредственно у рассказчика. Безалаберность принесла Сашке свои горькие плоды на ржавом подносе. При всем желании школьной администрации сохранить чистоту благоприятной статистики, упорное нежелание Первухина вступить во взрослую жизнь с гордо поднятой головой закончилось тем, что на выпускном балу он, одетый не в костюм, а в обычные джинсы и футболку, угрюмо возникал то в одном углу, то в другом, нигде не оказываясь в компании. Время от времени с ним заговаривали классная или завуч, а он стоял перед ними, глядя по сторонам или в пол, и, кажется, ничего не отвечал. Юный Никанорыч развлекался всеми силами своей тогда еще неискушенной души и к Первухину не подходил, да тот и исчез из школы рано, еще ночью, не дождавшись утра и встречи рассвета, который не обещал ему ничего приятного.

– А подробности его жизни перед уходом в армию вам известны?

Никанорыч неопределенно пожал плечами:

– Ну какие подробности в жизни магазинного грузчика, порабощенного студенткой? Хорошо уже, что ничего не слышал, а то ведь в таких случаях можно услышать и такое, чего слушать не хотелось бы. Подробности появились после армии. Я в девяностом от нечего делать пошел на празднование десятилетия школы и обнаружил в кабинете физики на стене целый стенд в его память. Фотография, биография, все дела. Мол, класс имени Александра Первухина, героя войны. Сразу вспомнил свое детство, Александра Матросова, Гастелло и Талалихина – жутковато стало. Выходит, я уже выходец из поколения ветеранов? Хорошо хоть, на пионерские сборы сейчас ходить не надо. Мне, правда, в любом случае не грозило бы – я ведь служил в тихой глуши, мирно, без всякой стрельбы и подвигов.

Никанорыч и Самсонов замолчали, бесцельно глядя через перила террасы на пруд. Беременная мамаша с любопытным карапузом не более двух лет от роду, одетым в синие джинсики на помочах с бабочкой на груди, подошли к самому краю отлогого травянистого берега и крошили хлеб уткам. Расфуфыренные селезни, сверкая на солнце синим отливом своих затылков, наперегонки со скромными серыми уточками хватали с зеленой воды куски небесного дара, но не обращали на людей ровным счетом никакого внимания. Они просто знали, что здесь можно подкормиться, и не желали упускать сиюминутной выгоды.

– А что вам известно о его гибели?

– В общем, тоже ничего. За пару недель до увольнения погиб, вот и все. Хоронили в закрытом гробу. Я же сам тогда еще дослуживал и всю эту историю знаю по рассказам. Девчонки наши должны знать подробности – в те поры только они здесь и обретались.

Собеседники снова тяжко замолчали, словно нашли мертвую птицу на пустынной дороге.

– Так вы не поддерживали связи ни со Светланой, ни с матерью Первухина?

– Нет. Говорю же, я и с ним самим особых связей не поддерживал. У него своя компания была. Та еще компания! Я краем уха слышал – кого посадили, кто укатил куда-то безвестно и безвозвратно на какие-то темные заработки.

Никанорыч говорил безразлично и скучно на исчерпанную тему и ждал от журналиста новых посылов, а тот и сам не желал сдвигать с места упавшую на разговор могильную плиту. Как часто в его жизни случалось, дорога к женщинам оказалась туманной и извилистой, а легкий путь – кажущимся. Самсонов мучительно искал фразу для внятного подведения итога и произнес неожиданно для самого себя:

– Вам его жалко? Я хочу сказать: вы жалеете о его смерти? Я все понимаю, полтора года проучились в одном классе, с тех пор никогда не виделись, а последние двадцать лет знаете, что он мертв. Но все-таки – вы же с ним разговаривали, пиво пили, вы его помните до сих пор, так что же он для вас значит?

Оказавшийся неожиданно для самого себя разговорчивым, интервьюер испугался вдруг вырвавшихся на свободу слов и уже почти ждал в ответ резкую фразу или чего-нибудь похуже, но ошибся. Никанорыч не взрывался, а мирно продолжал помешивать ложечкой давно остывший кофе.

– Не могу сказать, что я по нему скучаю, – сказал он тихо и настойчиво. – Просто есть какое-то невнятное чувство, словно прошел мимо нищего… Черт его знает.

– Я понимаю, – вставил к месту обнаглевший Самсонов, – нищих вообще нужно уничтожить – воистину, они раздражают, и когда подаешь им, и когда не подаешь, как говаривал Ницше.

Никанорыч встрепенулся, посмотрел на журналиста с некоторым оторопением, затем вновь обратил внимание на свой кофе и через бесконечно долгое время согласился:

– Наверно, так и есть. Хотя, если нищий – не твой родственник или благодетель, пройти мимо него – не преступление.

– Бесспорно, – согласился Самсонов, который за всю жизнь не подал ни копейки, а только злился на попрошаек, считая настоящими моральными вымогателями тех из них, которые обращались за милостыней непосредственно к нему, вместо того, чтобы смирно стоять и ждать проявления благотворительных чувств со стороны прохожих доброжелателей.

– Ну что ж, – сказал он, осторожно хлопнув ладонями по столу, – спасибо, Петр Никанорыч, вы очень помогли не только мне, но и всей нашей несчастной газете в трудной ситуации. Простите за повторное беспокойство – надеюсь, я не слишком нарушил ваши планы на утро.

Никанорыч безразлично махнул рукой и распрощался с Самсоновым без сожаления и торопливости, как совершал он и все остальные поступки в своей жизни, наполненной решениями, важными не только лично для него, но и для множества других людей, от него зависящих и ему доверившихся.

Журналист вернулся в редакцию в неопределенно подпорченном настроении. Стройный план очерка, начерно сформировавшийся в голове его будущего автора, понемногу запутывался. С другой стороны, непреодолимой сенсации тоже не случилось – Николай Игоревич ожидал, что герой при ближайшем рассмотрении не окажется подобием ангела. На текущий момент расследования никаких преступлений с его стороны на поверхность не всплыло, нужно поговорить со Светланой и Марией Павловной, заскочить в школу, в районную администрацию за подробностями истории с текстом мемориальной доски. Может, проявится со временем необходимость в совершении еще пары манипуляций.

В редакции, как всегда, ничего не менялось – звенели мухи, биясь о немытые стекла окон, чахлые почерневшие тюльпаны в вазе со старой желтой водой тихо осыпали лепестками подоконник, а люди безнадежно отсутствовали – возможно, пытались доказать самим себе оправданность их появления в не самом лучшем из миров.

Вызвонить Светлану Ивановну оказалось сложнее, чем Петра Никанорыча – в трубке долго и однообразно мычали короткие гудки, а через час они еще и стали безнадежно длинными. Занятая, как обычно, корректированием, Даша не сразу обратила внимание на служебную активность Самсонова. Она снизошла до его усилий только тогда, когда ей самой понадобился телефон. Снизошла случайно, непроизвольно и между делом – подошла к аппарату, бросила блуждающий женский взгляд на мятую бумажку в руках стоящего на грани самоуничижения связиста и, снимая трубку, небрежно заметила, что в ней значится телефон местного, почти самодеятельного, театрика. Районный храм Мельпомены славился в узком кругу ценителей изящных искусств оригинальностью постановок, устроенных по принципу "голь на выдумки хитра", но не раздражавших поклонников классики излишним авангардизмом в манере актерской игры. Самсонов время от времени разными путями получал напоминания о его существовании в городе, но никогда его не посещал – смущало несоответствие понятий "театр" и "райцентр".

– Хочешь сказать, ты и адрес знаешь? – совсем не удивился, а тихо обрадовался Самсонов.

– Разумеется, знаю, – небрежно обронила властительница офиса, но сообщила его спустя четверть часа, завершив свои неотложные переговоры. При этом она не преминула заметить, что без ее участия жизнь в редакции окончательно замрет, и город потеряет свой единственный, хоть и еженедельный, источник локальной истины.

– Обязательно, – подтвердил свою уверенность в том же ее осчастливленный собеседник и сорвался с места в карьер по новому адресу.

Театр "Балаган" располагался в месте, совершенно неожиданном для заведения такого почтенного сорта: вместилищем храма искусств служил подвал бывшего детского сада. Здание насчитывало два этажа и было построено из железобетонных блоков, усыпанных снаружи мелким гравием. Выглядело оно мрачно, но ни его обитатели, ни его клиенты не видели в сем печальном обстоятельстве проблемы. Населяли детсад многочисленные фиктивные и подлин-

ные компании, фирмочки, конторы, магазинчики, парикмахерские, фотоателье и мастерские по ремонту всякой всячины.

Неподалеку, в силу необъяснимых причуд судьбы, стоял унылый старенький КрАЗ с налепленным на лобовое стекло рабским клеймом бумажного объявления: "ПРОДАЕТСЯ". Пешеходы шли мимо него, не обращая ни малейшего внимания на происходящее предпринимательское бездействие. Самсонов тоже прошел мимо самосвала, не удостоив его даже взглядом, остановился в нерешительности, затем неторопливо обошел вокруг здания, разглядывая разнообразные вывески, которыми оно было увешано со всех сторон. Среди них нашелся и путеводный вензель "Балагана" со стрелой, смело указующей страждущим путь в подземелье. Незваный посетитель последовал указанию, миновал узкую лестницу, несколько узких полутемных помещений с низкими потолками, пока не оказался в бывшем тире. Прежнее назначение легко угадывалось по наличию старых мишеней, развешанных вдоль дальней стены. Помещение оказалось сильно вытянутым в длину, тоже полутемным, как и все помещения этого творческого подвала, и к тому же заставленным некоторым количеством разнокалиберных стульев. Люди не показывались.

Самсонов начал осторожно искать путь к своему очередному источнику информации, но не успел толком ничего произнести, как на него откуда-то спикировала маленькая голубая молния. Он испуганно вздрогнул, но через секунду распознал у себя на плече бело-голубого волнистого попугайчика, который короткое время рассматривал его в упор, склонив на бок головку, а затем произнес, на удивление отчетливо: "Погулять не хочешь?" Попугайчик повторил свой настойчивый вопрос неоднократно, а затем распустился до того, что начал бесцеремонно выдергивать волоски из журналистского виска. Появившаяся из боковой двери женщина спасла Самсонова, сняв с его плеча наглую птицу, и вежливо пояснила визитеру в ответ на его поспешный вопрос, что Светлану Ивановну можно найти в ее гримерной, и даже проводила до обыкновеннейшей металлической двери бомбоубежища, которую при желании можно было намертво задраить посредством круглого ворота.

За дверью обнаружилось очередное помещение с низким потолком, освещенное лучше прежних, и неуместная в нем элегантная дама в строгих, но изящных очках, общение с которой с самого начала развивалось далеко не так успешно, как с Никанорычем. Во время разговора Самсонов невольно косился на зеркало с обоймой ламп по всему периметру, не в силах поверить в реальность происходящего.

– Я уже общалась на эту тему с господином Ногинским, – сухо произнесла хозяйка египетским, как Нил, голосом, явно ожидая от незваного посетителя извинений и исчезновения. Видимо, жизнь не обучила ее общению с журналистской братией.

Самсонов пустился в объяснение создавшейся, не без активного участия (или не менее активного безучастия) того самого господина Ногинского, в маленькой, но добросовестно подходящей к исполнению профессионального долга редакции. Длинные его речи не встретили сочувствия у слушательницы, неизменно смотревшей на него сквозь равнодушные очки нетерпеливыми глазами случайной знакомой. Она совершенно не понимала смысла происходящего и желала остановить время хотя бы в том месте, куда оно уже докатилось, раз не удалось сделать этого раньше.

– Простите, – перебила она, наконец, словесный поток непрошеного оратора, – я не понимаю, что происходит. Меня совершенно не волнуют беспорядки в вашей редакции, и я не хочу заново возвращаться к теме. Мне это просто тяжело – говорю вам напрямую, если вы сами не способны понять…

Светлана Ивановна начинала волноваться и терять слова на еле заметной тропе общения с незнакомым человеком, видеться с которым она не собиралась. Но Самсонов утвердился на позиции жертвы обстоятельств с независимым видом вершителя рока. Он очень подробно извинялся, долго описывал свои безуспешные попытки дозвониться, объяснял стесненность

во времени и свою полную невиновность в создании нынешней неприятной для всех действующих лиц ситуации. Но больше всего он напирал на необходимость для Светланы Ивановны заново выдержать тяжелое испытание больной памятью, поскольку в противном случае Самсонов, будучи добросовестным журналистом, просто не найдет возможным опубликовать куцый очерк, лишенный ценных свидетельств о безусловно важной стороне жизни главного героя.

Велеречивость Николая Игоревича не знала пределов, он то вздымался своей творческой мыслью до облаков духовной поэтики, то повергался в глубокие пропасти практического смысла. Актриса районного театра слушала его растерянно и бессильно, как кобра своего заклинателя, и, надо полагать, послушно сопровождала оратора в его незримых эскападах. Затмить Ногинского никогда и никому не удавалось, а если и находились такие сверхчеловеки, то могучие силы уносили их далеко от тихого районного центра, и спустя короткое время они обнаруживались на областной и чуть ли не федеральной высоте. Возможно, Самсонов смог сделать сказку былью, убедив Светлану Ивановну, что даже по стопам великого предшественника он пройдет нехоженой тропинкой и обязательно оставит в памяти читателей зарубку с именем Александра Первухина. Женщина уступила понятному желанию автора запомниться читателям, хотя бы и за чужой счет.

Актриса велела кому-то за дверью не беспокоить ее до тех пор, пока она сама не переменит поведение, предложила настырному посетителю сесть на покосившийся скрипучий стул и заговорила с покорностью и гордостью львицы, отдающейся новому хозяину гарема, который убил ее детей от прежнего властителя и планирует завести от нее своих собственных.

Сашка Первухин не мог принять жизнь в сермяжной простоте и всеми силами день ото дня стремился ее усложнить, чтобы получить из тусклого тела живой сок праздника. В середине семидесятых он в своем нежном возрасте умудрялся носить расклешенные джинсы с желтой бахромой и с кожаным ремнем при огромной бляхе. Его тропические батники в обтяжку и косматые волосы, по возможности до плеч, которые по суровому настоянию завуча он мог не состричь, а только обрить наголо, чем производил каждый раз новый фурор, мозолили глаза всем знакомым и незнакомым, а также проходящим мимо, год за годом с неизбежностью круговорота воды в природе.

Хулиганство его носило характер постоянный и несносный, но из разряда дурацких детских шалостей. Мог, например, во время уроков метнуть в класс из коридора "дымовуху", изготовленную из пластмассовой расчески в бумажке. Бил стекла, и не только в школе, дрался – иногда серьезно, но без поножовщины.

Школа стояла на самой окраине города, из ее окон открывался пленительный вид на старую березовую рощу, вокруг которой царила свобода и вседозволенность, выгодно отличающие ее от серых учебных будней. Иногда по утрам, и осенью, и зимой, и весной, Первухин в компании таких же неуправляемых соратников, мечтающих о славе, шел по росе или сугробам через эту рощу в недальний колхоз. Там бандиты задобряли конюха бутылкой водки и прямо во время уроков появлялись у школы в вязаных шапках, натянутых на лицо, и верхом на неоседланных лошадях, чем вызывали общий восторг тоскующих школяров. Занятия срывались, самые суровые учителя теряли власть над классом, ученики толпами бросались к окнам и любовались гарцующими всадниками, в которых явно было что-то от Зорро.

Одноклассницы долго не баловали его вниманием, но к восьмому классу оказалось, что он располагает кое-какими деньжатами, умеет танцевать, даже вальс (чуть ли не один из всего мужского населения города), и, по слухам, вызывает у своих избранниц волшебное головокружение поцелуями. Все эти обстоятельства выдвинули его в ряд первых парней, но он стоял там без видимой маски довольства, присущей многим его товарищам по занятой позиции, а напротив, почти стесненно, что вздымало его славу на новые небывалые высоты. Девушки вечно мнили себя первыми, к кому он прикасается, и никакая слава донжуана не мешала им обманывать себя.

Юная и невинная Света жила в ту пору грезами о Пер Гюнте и Сольвейг, и в ее мире не было места прыщавым одноклассникам, испускавшим после перемен тяжелый аромат дешевых сигарет. Она долго пожимала плечами в ответ на сдавленный шепот с подробностями очередного приступа головокружения у очередной жертвы школьного ловеласа. Она смотрела на Сашку и решительно не видела в нем никого, кроме глуповатого мальчишки, не имеющего за душой ничего, кроме некоторых навыков оболванивания особо недоразвитых дурочек.

Так продолжалось некоторое время, начала которого никто не помнил, а затем пришла осень семьдесят девятого года, а с ней очередная страда. Как обычно, средние и старшие классы в сентябре, при наличии хорошей погоды, облачались дома по утрам в рабочую одежду, брали бутерброды, приходили к школе, грузились в автобусы и ехали в совхоз собирать морковь, счастливые сознанием свободы от уроков, успевавших им надоесть за первые несколько дней после летних каникул. Девчонки хором горланили в автобусах песни, мальчишки слушали их, обменивались язвительными шуточками и удивлялись необъяснимой традиции. Совхоз заранее подпахивал тракторами плантации, предназначенные для уборки школьниками, тем оставалось только выбирать из рыхлой земли морковь, отрезать ножами хвосты (оставляя не меньше полутора сантиметров) и рассовывать ее по мешкам, сортируя в соответствии с качеством (разветвленная и маленькая считалась кормовой, что не мешало опытным детям впоследствии с искренним изумлением встречать в магазинах именно такой нестандарт).

Вот так, одним славным солнечным деньком, Света и Сашка оказались в паре на одной грядке. Сашка подошел к делу хозяйственно, запасся мешками и развил такой бурный темп, что Светлане выполнение их общей нормы в итоге показалось как никогда легкой задачей. Напарник с ней почти не разговаривал, а просто, без вопросов, шуток и разговоров сделал невозможное – девочка грезила зимними розами и ночным бризом, колеблющим легкие занавески на открытом окне, а обратила внимание на чумазого одноклассника в кедах и в старых брюках с пузырями на коленях. Тот за ней не ухаживал, но заботился, словно они половину своей короткой жизни провели в браке.

Странный выдался день – в памяти Светланы осталось яркое солнце, смех и крики, пот на лице, руки в грязных нитяных перчатках и Сашка, протягивающий ей собственный бутерброд с таким видом, словно она пришла к нему в гости, и он ухаживает за ней, строго выдерживая манеры лондонского денди.

Потом потянулись непонятные и обманчивые дни, недели, месяцы, когда Первухин загадочным образом оказывался рядом со Светланой в самые неожиданные моменты. Света продолжала краем уха подслушивать свежие истории о его похождениях, даже дискуссии о беременности по его вине какой-то девчонки из параллельного класса, а потом говорила с ним усмехаясь, чтобы самой не попасть в последние школьные новости, тем более без реальных причин.

Она всегда смотрела на фривольных девчонок со стороны, не испытывая к ним ни брезгливости, ни иных сильных чувств, а просто воспринимая как отдельный подвид. Они вечно болтались по улицам в компании мальчишек и неизвестно чем занимались в общественных и приватных местах, оставаясь при этом для Светланы другим миром. Внимание Первухина и смутный интерес к нему делал неопытную девушку причастной к вселенной вседозволенности. Она не вошла в компанию, так и оставшись инопланетянкой, но все участники оной компании знали, что Первухин все больше времени проводит с ней, и ощущали ее похитительницей. Прошел год, разгильдяя Сашку перевели в новую школу, отличницу Светлану оставили в старой.

Однажды вечером, в августе, Света, забравшись с ногами в огромное кресло, читала Жорж Санд, когда в дверь позвонили. Трезвонили протяжно и бесцеремонно. Мать открыла и впустила в квартиру маленького веснушчатого посыльного, из числа сашкиных поклонников. Он задыхался от долгого бега, но нагло вбежал в комнату, ловко обойдя без объяснений

хозяйку, и стал возбужденно кричать на Свету, что Сашку порезали на танцах, и сейчас он в районной больнице на операции. Веснушчатый курьер искренне ожидал, что она вспрянет в ужасе и опрометью бросится к одру раненого разделить его боль, но увидел только недоумение в поднятых на него глазах. Мальчишка продолжал вопить, желая честно исполнить свою комиссию до конца, и замолчал, только увидев жестокую девицу вновь склонившейся над книгой. В детском сознании посланца сложилась картина предательства, никогда прежде им не виданная. Он задохнулся от гнева, не по возрасту умело обматерил Светку и ринулся прочь, огибая встретившиеся на его пути препятствия. Тем вечером мать долго разговаривала с дочерью, вымогая у нее подробности отношений с неизвестным, но убедилась только в полном отсутствии оных и успокоилась.

Осень выдалась долгой, холодной и дождливой. Светка усиленно вгрызалась в гранит науки выпускного класса, занималась помимо школы с репетиторами и моталась по воскресеньям в Москву на курсы абитуриентов университета. Свободного времени не оставалось, она изнемогала, но по-прежнему не теряла решительного победного настроя. Выздоровевший после ранения Первухин всеми силами мешал ей учиться. Иногда приходил в ее школу во время уроков, иногда встречал ее на улице по их окончании, и каждый раз пытался что-нибудь подарить, куда-нибудь пригласить, что-то объяснить, а она отмахивалась от него нетерпеливо и раздраженно, всякий раз торопясь по своим учебным делам. Утром в свой день рождения усердная ученица обнаружила на тротуаре перед подъездом огромную надпись белой краской: "С днем рождения, недотрога!" с пририсованными цветами. В подъезде некоторые знали, когда у нее день рождения, и очень скоро все соседки были осведомлены, кто именно удостоился публичного поздравления. Виновница разозлилась всерьез и при следующей встрече накричала на Сашку громко и прилюдно, чем изрядно усугубила раздражавшую ее неприятность.

Дождливым ноябрьским вечером, вернувшись домой от репетитора и собираясь после ужина заняться еще уроками, Света не обратила внимания на звонок дверь. Открыла снова мать, но через пару минут она позвала дочь в прихожую. Там обнаружился мокрый до нитки Первухин с огромным букетом влажных роз. Матери ситуация казалась забавной, она помогла гостю снять куртку и пыталась пристроить ее в ванной, чтобы на пол в передней не натекла лужа. Сашка искренне пытался одеться поприличней, даже галстук как-то накрутил – наверное, впервые в его грешной жизни. Он уже снял ботинки, но еще не надел домашние тапки, когда перед ним возникла Света. Поэтому решительно сделал несколько шагов в носках навстречу избраннице, оставляя за собой четкие влажные следы, и молча протянул ей букет.

Желая убить нахала на месте, Светка проигнорировала розы и язвительно спросила, какие цветы гость подарил маме. Тот замер в растерянности с протянутой рукой, не понимая происходящего.

– Ты ведь воспитанный человек? – не унималась возмущенная дочь. – Что же ты явился к двум женщинам с одним букетом?

– Света, прекрати, – пыталась утихомирить ее мать, которая совершенно не собиралась устраивать резню, а только желала повеселиться.

Первухин продолжал стоять на месте со своим букетом, не зная, как поступить. С головы его непрерывно стекала вода, и он то и дело вытирал лицо, чтобы видеть окружающий его ужас. Перо отказывается описывать душевное состояние человека шестнадцати лет, который впервые в жизни решил рассказать о своих чувствах, но подвергся издевательствам. Возможно, его посещала мысль разделить букет надвое или отдать его целиком матери невесты. Только кто знает, что придумает в ответ жестокосердная, оказавшая ему ледяной прием? Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться – поиск повода для унижения ближнего своего есть самое простое из человеческих дел. Люди не могут предвидеть все на свете, не все могут мгновенно реагировать на изменившиеся обстоятельства, а если ты несколько месяцев набирался реши-

мости сделать красивый глупый поступок, но, сделав его, оказался в дурацком положении, то отсюда и вовсе почти никто не выберется с прежним лицом.

Сашка придумал только демонстрацию. Он положил мокрые розы на пол, развернулся и неожиданно для своих мучительниц вышел в подъезд. В чем был. Светкина мама побежала за ним, забыв сразу захватить куртку и ботинки незадачливого жениха, догнала его, но не смогла ни остановить, ни передать отсутствующие в ее руках вещи. Она стремглав вернулась домой, схватила в охапку чужое добро и вновь бросилась вдогонку за его обладателем. На улице лежала темнота, шел холодный дождь, и никого не было видно. Герой успел в носках ушлепать по ледяным лужам за близкий городской горизонт, не оставив признаков своего присутствия или свидетелей.

– Вы виделись с ним потом? – спросил интервьюер.

– Нет, – коротко ответила актриса, не посчитав нужным снабдить свой ответ подробностями. Впрочем, какие могут быть подробности у отрицательного ответа? Только мотивировочные, а здесь как раз все было совершенно ясно.

– Как вы думаете, почему у людей, с которыми я разговаривал до вас, сложилось впечатление, будто вы общались с Александром и в школе, и даже по ее окончании?

– Потому что наш так называемый город в сущности – деревня, – раздраженно выпалила Светлана Ивановна. – Или ваш Первухин умел красиво врать. Впрочем, врать красиво ему бы и не понадобилось – в такие вещи у нас верят с особой готовностью.

Самсонов выслушал собеседницу молча, делая конспективные заметки в своем блокноте и не задавая вопросов. После разговора с Ногинским та сама построила свой рассказ в нужном любому журналюге русле. Только Светлана Ивановна ошиблась в главном: ее визави оказался неординарным представителем своего славного цеха.

– Вы жалеете его? – спросил он с бесцеремонностью распорядителя дома терпимости.

– Что вы имеете в виду? – гордо вскинула голову актриса.

– То самое, что спрашиваю, – пожал плечами Самсонов. – Вам его жалко теперь?

– Нет, – резко выпалила Светлана Ивановна, на сей раз без паузы. Она не смотрела на интервьюера, а принялась сосредоточенно перебирать свои гримерные принадлежности.

– Ну что ж, – хлопнул себя по коленям Николай Игоревич и встал со стула. – Спасибо за беседу. Вы мне очень помогли.

– Зачем вы вообще приплели меня к этой истории? – недовольно вскинулась женщина. – Я ему не жена, не невеста. Так, бывшая одноклассница. Я ведь не единственной девчонкой была в нашем классе. Вы что, всех обходите?

– Да нет. Я, видите ли, действую в ситуации жесткого цейтнота и к вам пришел исключительно по наводке своего предшественника. Не имел о вас ни малейшего представления.

– А что вы собираетесь обо мне написать?

Самсонов задумался на короткое время, затем в нерешительности пожал плечами:

– Видимо, ничего. Я ведь пишу о Первухине, а не о вас. До свидания.

Журналист с чувством собственного достоинства в каждом движении коротко поклонился и вышел прочь – сначала из гримерной, потом из тира, затем из "Балагана".

Недоумение его росло с каждым часом работы над роковым очерком. Осудить взрослую женщину, без малого четверть века назад отшившую какого-то двоечника, бабника и хулигана, он не мог, но свежим воздухом после подвала дышал с большим удовольствием. Самсонова занимали некоторое время размышления о путях, приведших выпускницу МГУ в подвал бывшего детского сада, но эпоха дала много примеров неизмеримо более драматичных судеб. Николай Игоревич не стал тратить себя по пустякам, а просто вернулся в редакцию. Последний телефон в списке Ногинского определенно принадлежал матери покойного. Разговор с ней заранее вызывал тягостное ощущение под ложечкой, поэтому даже звонить ей Самсонов не

хотел, отложив до вечера. Наскоро перекусив чужой едой из общественного холодильника, он поспешил в школу, с которой и закрутилась вся история.

Уроки уже закончились, детей в здании оставалось немного, шум не давил на барабанные перепонки, весеннее солнце лилось через окна, то есть обстановка для посещения сложилась самая благоприятная. Поблуждав немного по коридорам и задав несколько вопросов, незваный визитер нашел пустой кабинет директора. Потоптавшись перед дверью, он отправился в новое блуждание, задал встречным еще пару вопросов и нашел учительскую. Представившись с чувством профессиональной гордости в голосе, журналист в течение нескольких минут установил отсутствие в данный момент в данной комнате учителей, работавших в данной школе двадцать лет назад. Тогда Самсонов попросил показать ему мемориальный класс Первухина и впервые за время своего визита добился положительного результата. Его даже проводили до места и открыли запертую дверь.

Класс не выделялся ничем примечательным среди других классов этой средней во всех смыслах школы. Разглядывать доску и парты Николай Игоревич не стал, а сразу направился к стенду, посвященному его герою. На фотографии тот оказался совсем юным, еще школьником. Организаторы стенда не могли преодолеть непреодолимого – Первухин в своей сознательной жизни успел побывать только школьником и солдатом. На листах бумаги вокруг снимка значилась недолгая биография героя, воспоминания о нем учителей и одноклассников, другие фотографии, поменьше, на которых покойный был запечатлен с разными людьми, имелись даже воспоминания о нем сослуживцев с описанием последнего боя Первухина. Последним документом Самсонов заинтересовался и прочел его внимательно. Солдат погиб при исполнении задания по охране трубопровода, в ходе боя с бандой душманов, пытавшейся этот трубопровод подорвать, под минометным огнем, на своей позиции, которую живым так и не оставил.

Николай Игоревич, давно мучимый мыслями о целесообразности своего жития, уже не делал попыток проникнуть во внутренний мир людей, рискующих жизнью ради целей, более высоких, чем собственная выгода. Он пытался строить догадки о своей способности броситься под огнем противника в атаку или сидеть в окопе среди разрывов и не прятаться на его дне, а стрелять в ответ или ждать атаки противника. Может, вообще не бывает в нынешних войнах киношных атак, а только необъяснимые со стороны и даже с солдатской точки зрения перебежки с места на место под звуки неизвестно откуда доносящихся выстрелов? Война обошла стороной Самсонова, он видел ее только по телевизору, читал о ней в книгах, газетах и журналах, пытался выискивать философские обобщения, но не имел достаточно материала для суждения о самом себе. С одной стороны, такой недочет в биографии теперь ему досаждал, с другой – он понимал, что мог не пережить личного военного опыта физически или морально. Возможность любого из неприятных ему исходов вынуждала журналиста в целом хранить удовлетворение фактом отсутствия в его жизни опасной страницы.

Размышления Николая Игоревича у стенда прервались новостью о возвращении директора, к которому он проследовал послушно в сопровождении милой девушки, осиянной не идущим к ней званием учителя. Директор тоже оказался женского пола – маленькая седенькая бодрая женщина встретила посетителя за столом кабинета официальным тоном. Вновь потребовались объяснения и комментарии на предмет загадочных методов работы районной газеты, но накопленный опыт позволил Самсонову преодолеть эту фазу разговора быстрее прежнего. В первую очередь выяснилось, что хозяйка кабинета в те давние времена директором не являлась и вообще с первухинским десятым классом не работала, но сделает все от нее зависящее для увековечения памяти о единственном выпускнике школы, погибшем в бою. Затем повисла короткая пауза.

Директриса не спешила продолжать разговор, и Николаю Игоревичу пришлось задавать вопросы. Их общее направление он представил заранее, поскольку накопил уже достаточно материала для фантазии. Хозяйку кабинета предложенное направление не устроило.

– Я не понимаю, чего вы добиваетесь? – сухо спросила она. – Вы намерены послужить делу патриотического воспитания молодежи или затеваете какое-то странное разоблачение?

Самсонов абсолютно не приготовился к подобным выпадам и от неожиданности принял вид разоблаченного хулигана, попавшего в кабинет директора на расправу.

– Извините, о патриотическом воспитании я вовсе не думал, – пожал он плечами.

– Да? Интересно! Откуда вы вообще явились? Вы представитель нашей районной газеты?

– Да… Послушайте, зачем же так агрессивно? По вашему, воспитать молодежь в патриотическом духе можно только ложью?

Директриса гулко хлопнула сухонькими ладонями по столу и резко поднялась.

– Вы меня не устраиваете в качестве автора такого важного очерка, поэтому я непременно свяжусь с вашей редакцией и выскажу свое мнение в самых решительных выражениях.

– Хорошо, связывайтесь, но нельзя ли мне переговорить с кем-нибудь из учителей Первухина?

– Нет, нельзя. Вам вообще нельзя работать над этой темой. Можете идти.

– Спасибо… До свидания.

Ошарашенный Самсонов вышел из ужасного кабинета с единственной мыслью в забубенной головушке: она действительно позвонит главному с протестом? Серьезная дама – вряд ли она просто пугала. В коридоре опозоренный профессионал понял, что минуту назад в нем убили репортера, и воскресить его можно только проявлением самой беспардонной наглости, которую только может вообразить цивилизованный человек.

Деловым шагом, сохраняя невинную внешность, провинившийся вернулся в учительскую и беззаботно попросил указаний о местонахождении бывшего классного руководителя Первухина. Способности проходимца пригодились: он получил интересующие его сведения и нашел учительницу средних лет в ее волшебном химическом кабинете сидящей за солидной кафедрой в окружении великого множества никому, кроме нее, не понятных вещей, таблиц, графиков и прочего имущества. Она удивилась визиту журналиста.

– Вы разве не беседовали с директором? – спросила классная дама. – Этими вопросами она занимается сама.

Самсонов сделал стойку охотничьей собаки, почуявшей жертву.

– То есть… Вы хотите сказать, что не беседовали до сих пор с представителем нашей редакции?

– Нет. А что? Вы были у директора?

– Был. Мы немного поговорили, а затем она рекомендовала мне вас.

Нерешительность химички следовало преодолеть как можно скорее самыми решительными мерами, дабы не заронить в ее душу никаких дополнительных подозрений о природе происходящего. Самсонов в нескольких словах беззаботно обрисовал основное содержание якобы милой беседы с директрисой и отвлекших последнюю от интервью внезапных школьных делах. Глаза его светились простодушием и искренним желанием нести добро людям, поэтому учительница уступила давлению. Только обмолвилась о предпочтительности для автора очерка беседы с преподавателями из прежней школы Первухина, в которой тот отучился восемь с половиной лет, а не полтора. "Та школа не имеет никакого отношения к сюжету", – подумал журналист, но вслух не сказал ничего, кроме пары комплиментов этой школе и конкретно учительнице химии, чем окончательно склонил собеседницу на свою сторону.

Сашкина классная руководительница была юной учителькой, только из института, попавшей в новую школу с ее неописуемым контингентом, как кур в ощип. Инструкции принуждают классных руководителей регулярно посещать учеников на дому ради контроля условий жизни и учебы, а также семейной обстановки в целом, но никто из них этого не делает, дабы не изумлять родителей учеников. Могут ведь возомнить невесть что. Тем не менее, Первухина она посещала, поскольку в школе видела его реже, чем всех остальных, а вызывать к себе родителей

не хотела, да и не могла. Записки хулиган, видимо, выбрасывал, а телефона у них тогда не было. Впрочем, во время этих визитов виновника не оказалось дома ни разу. Она разговаривала с родителями; отец не проявлял к беседам ни малейшего интереса, мать постоянно сокрушалась и обещала принять меры семейного воздействия к бездельнику, беспрестанно взывая к мужу в попытке отвлечь его от телевизора.

– Она вам подыгрывала, или искренне переживала? – спросил Самсонов, держа в мыслях будущий нерадостный визит.

– Да я же девчонка была совсем. Казалась искренней.

– А насколько серьезным было положение? Имелась ли возможность все же избежать окончания школы со справкой?

– Трудно сказать задним числом. Если бы у меня был опыт и больше времени, кто знает… Понимаете, практически сразу после института получить в классное руководство десятый класс, да еще такой трудный. От меня никто и не ждал никаких чудес.

– А что вы можете рассказать о его девушке?

– О девушке? Вы Светлану имеете в виду?

– Ее. А что, были другие?

– Почему вас интересует именно эта тема?

– А почему вы не хотите ее поддерживать? Я просто хочу написать о живом человеке. Поймите, меня не интересуют интимные подробности, но если очерк о молодом парне, который из своих двадцати лет полтора года воевал, окажется повествованием исключительно об учебе и друзьях, читатели либо просто мне не поверят, либо заподозрят в сокрытии какой-то страшной тайны. Например, почему вы знали тогда и до сих пор помните имя его девушки? Она ведь не училась в вашей школе?

Учительница несколько минут колебалась в нерешительности под натиском журналиста и в итоге не сочла нужным вставать на его пути к истине.

– Шумная история тогда случилась, поэтому и помню до сих пор. Милицию ее родители вовлекли, требовали покончить с преследованием.

– А она сама?

– А она плакала в разных кабинетах при разборе происшествия.

– Происшествие – это визит к ней домой с букетом роз?

– Что? Какой визит? О визите я ничего не знаю. Происшествие – это попытка изнасилования.

Самсонов даже вздрогнул от неожиданности. Степень его готовности услышать всякое оказалась недостаточно высокой для восприятия правды жизни.

– Попытка изнасилования кого кем? – глупо спросил он, не успев задуматься над более высокоумной формулировкой вопроса.

– Разумеется, обвиняли Первухина. Все случилось в ее школе, то есть в прежней его. Он оказался там на танцах весной восьмидесятого, еще в девятом классе. Каким-то образом миновал дежурного учителя на входе, иначе он фэйс-контроль бы не прошел. Танцы были в актовом зале, в какой-то момент люди услышали шум совершенно в другом крыле, на втором этаже, который стоял пустым. Сбежались и обнаружили Светлану в разорванном платье, избитую, и Первухина рядом. На вопросы она не отвечала, только плакала, ну и завертелась история. Она в течение всего расследования плакала и не сказала ни слова, а Александра поставили на учет и строго предупредили.

– И каково же ваше личное мнение об этом деле?

– Причем здесь мое личное мнение? Никто не доказал ничего, ни положительного, ни противного. То ли случилось что-то, то ли не случилось, то ли случилось совсем не то, о чем все подумали, туман так и остался.

– И все-таки? Мы ведь с вами не в суде, Первухин давно мертв, вы ему ничем не навредите. Обвинение казалось вам правдоподобным?

Учительница замолчала, рассеянно перекладывая с одного места на другое какие-то книжки и тетрадки.

– Мне тогда казались одинаково правдоподобными любые предположения.

– Как объяснял случившееся Первухин?

– Разумеется, тоже молчал. Точнее, дерзил и всячески ухудшал впечатление о себе, но ни в чем не признавался и ничего не отрицал.

Убедившись в нежелании жертвы добавить новые подробности к уже сказанному, интервьюер принялся въедливо выяснять причины появления ошибки в тексте на мемориальной доске. После нескольких безуспешных отсылок вопроса к директрисе, учительница заговорила о непричастности школы к случившемуся, поскольку она представила правильные сведения, и незадача произошла по вине других инстанций.

– Зачем вообще касаться этой темы? – искренне удивлялась женщина. – Смысл мероприятия не в распространении фактов биографии Александра, а увековечение его памяти.

– В том-то и дело, – удивился в свою очередь Самсонов. – Именно память и страдает, если прямо на мемориальной доске зафиксировано безразличие и невнимание к человеку, память о котором предполагается хранить.

– Ну что за нелепость! Вы ведете себя просто неприлично. Причем здесь безразличие? Зачем досадную техническую ошибку раздувать до размера политической проблемы?

Ничего не ответив и выдержав драматическую паузу, журналист задал свой коронный вопрос:

– Вам жалко его теперь?

Химичка растерялась перед фактом внезапного хамства, несколько минут обдумывала ответ с расстроенным лицом, потом произнесла очень медленно:

– Я ничего не могла в нем изменить.

– И все-таки? Вы не удивляйтесь, я всем задаю этот вопрос. Хочу измерить неосязаемое.

– Я нахожу ваш вопрос странным. Что значит "жалко"? Наверное, можно было дотащить его до аттестата, но в шестнадцать лет человек и сам должен понимать, где кончается детство с его шутками. Он не сделал со своей стороны ни единого шага, вот и вышло ничего.

– Мне следует принять ваш ответ за отрицательный? – напирал Самсонов.

– Нет! – выпалила химичка с энергией Светланы Ивановны и всем своим видом показала, что считает интервью законченным.

Самсонов узнал подробности, неизвестные, возможно, самому Ногинскому, отчего его распирало нетерпение заявить о своем знании во всеуслышание, пока конкурент не всплыл на поверхность так же внезапно, как исчез. Быстро переварив новое знание, он заторопился, принялся поспешно прощаться с источником, пустился напропалую в рассуждения о неотложных делах и покинул школу почти бегом.

Посетить старую школу Первухина, оказавшуюся неизмеримо более важной вехой в его жизни, чем казалось прежде, стоило, но хотелось еще установить контакт с матерью покойного и с районной администрацией, после чего требовалось время на творчество, поэтому Николай Игоревич решил отложить визит на попозже, если останется время от всех прочих дел. А пока он вновь ринулся в редакцию, теперь дозваниваться до Марии Павловны. Время настало послеобеденное, тихое, не сулящее шумных перемен, но застать очередную фигурантку оказалось сложно. Длинные гудки излучали безнадежность с неумолимостью черной дыры.

Тогда Самсонов, отмахиваясь от недовольной Даши, стал одновременно дозваниваться и во второе место – в районную администрацию. Здесь он достиг определенного успеха, его несколько раз перебросили с одного телефона на другой, пока он не добрался до нужного сек-

ретаря, с которым и обговорил визит на следующий день. Связь с Марией Павловной упорно отсутствовала.

Даша всем своим видом являла негодование. Трубку она схватила, словно частную собственность, возвращенную ей после наглой и незаконной конфискации.

– Совсем совесть потерял, – бормотала она с обидой в голосе, торопливо набирая срочно нужный номер. – Один он во всей редакции работает.

Обычная текучка поглотила остаток рабочего дня, редакция постепенно опустела, Самсонов остался один и уже в сумерках дозвонился до Марии Павловны. Она имела низкий, но уже несколько старческий голос. Необходимость вторично рассказать о сыне ее обрадовала, но встречу она назначила лишь на следующий вечер, чем несколько огорчила журналиста. Он побоялся давить, чтобы не лишиться благорасположения, поблагодарил и повесил трубку.

Редакция стояла пустой, охранник запер вход, тишина окутала безлюдные помещения. Николай Игоревич вытащил из чулана свою раскладушку, улегся на нее одетым и задумался над творческими планами.

Образ Первухина в воображении журналиста вырисовывался уже вполне отчетливо. Понятно, что мать завтра расскажет о нем много хорошего, но все равно понятно – записным преступником и мерзавцем он не был. Подросток, возможно с серьезными психологическими проблемами, но без особо отталкивающих черт личности. Подобные вещи легко описываются понятиями ранимости, непримиримости, романтизма, юношеского максимализма и так далее. История на школьных танцах виделась здесь нелогичным пятном. Никогда в глаза не видевший Сашку, Николай Игоревич не представлял натуру, способную совместить подлое нападение и идиотский цветочный визит с не менее эффектным его прерыванием. Нужно быть величайшим нарциссом всех времен и народов, чтобы так дорого себя ценить и презирать предмет своего вожделения. Да и молчание Светланы говорило о многом: она скрывала правду и жертвовала ради нее Первухиным. А тот, в свою очередь, не очень-то и сопротивлялся перед лицом едва ли не уголовной ответственности.

В общем, нервная реакция Ногинского по-прежнему казалась Самсонову необъяснимой. Означает ли такая немотивированность, что он так и не открыл неких ужасных подробностей, обнаруженных мэтром? Если нет, то Николай Игоревич смотрит другими глазами на обстоятельства, поразившие старика до нервного срыва. Вопросы роились в голове журналиста, заставляя его сомневаться то в собственной нравственности, то в прозорливости, то в способности ощущать чужое мировосприятие, без чего журналист не напишет ничего, кроме пустых сентенций.

Для развлечения на сон грядущий Самсонов нашел прошлогоднюю подшивку родной газеты и принялся ее подробно перечитывать, постепенно удаляясь все дальше и дальше от темы очерка. Исписанный заметками блокнот лежал на его столе, идеи потихоньку утрамбовывались, обретая читаемый облик, а в руках творец держал старую пропыленную стопку бумаги, испещренную семантическими символами и потому несущую в себе образ ушедшего времени. Образ, созданный искусственно и отражающий время не вживе, но как личину.

Через некоторое время Николай Игоревич отложил подшивку, поднялся с раскладушки, уселся за стол, которым владел в складчину с журналистом отдела экономики, включил компьютер и, словно вдохновленный чтением старых газет, принялся творить. Действуя в своей индивидуальной манере, он для начала быстро набросал скелет будущего очерка, выглядевший со стороны планом. Затем, сверяясь с блокнотом, принялся наполнять конкретным содержанием отдельные пункты, постепенно превращая план уже в сырую "рыбу". Не имея большого опыта такой серьезной работы, Самсонов не испытывал большой веры в существование его собственного творческого метода, но поступал по велению инстинкта, подобно животному на незнакомой территории. Занятие увлекло журналиста до поздней ночи, но, даже прервав твор-

ческий процесс, он еще долго лежал одетым на раскладушке в полной темноте и не мог заснуть, терзаемый новыми планами.

Утром Самсонова с трудом растолкал охранник, и тот проснулся с гудящей головой, недовольный своей жизнью до последней степени. Во-первых, он не выспался, во-вторых, ночью его мучил эротический сон с участием жены, неосуществимость которого наяву злила изменщика неизмеримо больше, чем больная голова и слипающиеся глаза.

Тем не менее, уже к приходу уборщицы Николай Игоревич приобрел вполне благопристойный вид, пошарил в карманах, нашел там несколько денег и сбегал в магазин за искусственным завтраком со вкусом мяса, а также за настоящим хлебом, после чего окончательно пришел в боевую готовность. Время, назначенное для визита в районную администрацию, настало скоро, хотя ждал он его с нетерпением.

Двухэтажная кирпичная резиденция районных властей не впервые попадалась на жизненном путем журналиста. Он посещал это здание еще школьником, когда оно вмещало городские и районные советы с их исполкомами, а также комитеты единственной партии и такого же молодежного союза. В те поры юного Колю вызывали в райком комсомола на предмет недостатков в работе школьной комсомольской организации, в коей он занимал кресло замсекретаря по идеологической работе. Соответственно, и недостатки, послужившие причиной вызова, также носили идеологический характер. Подробности он давно забыл, но теперь удивлялся, что спустя четверть века явился по тому же адресу по тому же, в сущности, вопросу, только теперь с намерением получить ответ, а не дать его.

Здание администрации стояло на главной площади города, с елками, доской почета и памятником Ленина. Памятник не был гипсовым и не был раскрашен серебрянкой, а был изготовлен из настоящего камня, поскольку в городе имелся заводик, занимающийся как раз художественными работами по камню. Доска почета содержала теперь застекленные фотографии о жизни района, но в ее конструкцию по-прежнему поддерживал в качестве одной из опор гигантский серп и молот.

Приняли Самсонова в бюро по связям с общественностью, хотя он пытался пробиться в тот конкретный отдел, который занимался установкой мемориальной доски. Миловидная девушка по имени Марина Игнатьевна принялась объяснять беспокойному посетителю, что контакты с прессой входят именно в ее круг обязанностей, в противном случае их вообще следовало бы сократить. У Николая Игоревича возникли свои красочные мысли на тему ликвидации бюро по связям с общественностью, но озвучивать он их не стал, поскольку рассчитывал все же в дальнейшем продолжать работу в отделе новостей родной редакции.

Беседа принесла ему некоторые новости. Установкой мемориальной доски занимались во взаимодействии управление образования и управление культуры. Об ошибке в тексте Марина Игнатьевна услышала впервые и пока не может сказать по этому поводу ничего определенного, но сегодня обязательно наведет справки и свяжется с редакцией.

– Скажите, вы сами присутствовали на церемонии открытия? – спросил Самсонов, приступивший к выработке очередного нахального плана.

– Да, разумеется, – профессионально улыбнулась Марина Игнатьевна. – Мы придаем большое значение этому мероприятию. Там присутствовала съемочная группа нашего телевидения. Правда, ваших, кажется, не было. А мы ведь всех поставили в известность.

Девушка озвучила свой упрек таким ласковым голосом, что у Самсонова язык не повернулся ответить хоть в малой степени неуважительно. Он принялся вдохновенно врать на ходу, доказывая, что редакция именно в тот момент предавалась трудам крайне срочного характера, имеющим не меньшее значение для района. Речевая эскапада привела своего необузданного автора к заключению о необходимости создать у читателя эффект присутствия на открытии мемориальной доски, что произошло едва ли не впервые в истории города. Для создания упомянутого эффекта автор очерка должен собрать впечатления всех участников церемонии,

видевших ее по-своему и запомнивших немного по-разному. Искусством лить воду Самсонов владел в достаточной степени со времен обучения наукам и сохранил его в течение долгих лет взрослой жизни, хоть и пользовался им изредка, а не из профессионального долга.

– Простите, у меня есть странный вопрос, – вспомнил журналист о своих последних достижениях на корреспондентском поприще. – Не удивляйтесь, пожалуйста, но я хочу спросить: беседовал ли с вами на наши сегодняшние темы Ногинский?

– Вопрос действительно странный, – приподняла узкие бровки Марина Игнатьевна. – Вы работаете над очерком вдвоем?

– Можно и так сказать. То ли вдвоем, то ли по очереди… В общем, я принимаю ваш ответ за отрицательный. Правильно?

– Правильно, – пожала плечами девушка, так и не разобравшись в хитросплетениях редакционной политики.

Она стремилась закончить общение, но Самсонов терзал ее минута за минутой, демонстрируя бульдожью хватку в целях психологического давления на жертву. Марина Игнатьевна должна внутренне смириться с мыслью о неизбежности проникновения ушлого журналиста за барьер, возведенный ею с усердием вечной отличницы. Он не собирался, конечно, сбивать собеседницу с ног и прорываться к цели грубой силой. Журналист рассчитывал на самую малость: когда его поймают и примутся выдворять из здания, пресс-девушка не должна удивиться новости. Сомнения не оставляли Николая Игоревича: скандал неизбежно повредит его будущей журналистской карьере, поэтому его нужно избежать, но лишать свой очерк важной детали – личной беседы с человеком, причастным к принятию решения о водружении доски, он тоже не мог.

– Вы можете передать мне свои вопросы, и на следующей неделе получите ответы господина Полуярцева, – прежним ласковым тоном разъяснила политику администрации Марина Игнатьевна.

– Замглавы? Он курировал эту тему? – оживился Самсонов.

– Да, он курировал эту тему, – терпеливо выносила настойчивость информационного агрессора его визави.

– Скажите, а личная встреча для интервью с ним сегодня совсем невозможна?

– Совсем. Вы же должны понимать, он очень занятой человек.

– Должен. Но о следующей неделе не может быть и речи, завтра мне очерк сдавать.

– Что ж, вам следовало раньше обратиться со своей просьбой.

– Я только вчера получил задание.

– Извините, ничего не могу для вас сделать. Порядок есть порядок, ваша редакция прекрасно о нем осведомлена.

Марина Игнатьевна переполнилась сарказмом, как зрелый виноград – соком. Отвергнутый журналист не видел в ее глазах льда, только отсутствие интереса. Поставив себе целью остаться в здании администрации после расставания с пресс-бюро, он поспешил как можно вежливее распрощаться, а затем спустился на первый этаж. Только не направился к выходу, а отправился искать кабинет замглавы Полуярцева.

Нашелся тот быстро, поскольку архитектура здания районной администрации не отличалась избытком фантазии: прямой коридор с дверьми по обе стороны. В приемной он представился секретарше ходатаем по школьным проблемам, якобы имеющим личную договоренность с хозяином. Отмазка самому лгуну казалась слабой и чреватой неприятностями при разоблачении, но поступить иначе он не мог. Журналиста отправили бы прямым ходом в пресс-бюро, а так можно несколько минут давить на персональное знакомство и плохую память Полуярцева. Сверхзадачей стало выпутаться из истории без тяжких последствий для газеты и него лично, но на такие стратегические высоты мышление Самсонова заранее не взлетало, а только

по мере надобности. Да и для газеты угрозы не просматривалось: она одна, издается самой же администрацией, ничего с ней не случится.

В приемной сидели два человека, опередить их Николай Игоревич и не пытался, но свою живую очередь постарался нахрапом занять. За время его сидения в предбаннике секретарша несколько раз заходила в кабинет и, скорее всего, успела известить его обитателя о незваном посетителе. Ее молчание красноречиво показало журналисту реальную перспективу приема. Радио в предбаннике если и имелось, то упорно молчало, только гудел компьютер секретарши и клацали клавиши под ее тонкими пальчиками. На окне стояли два горшка с неизвестными цветами, за стеклом Самсонов ничего не мог разглядеть, как ни старался, заняться было совершенно нечем, и он отчаянно заскучал.

Партнеры по ожиданию обошлись с журналистом вежливо, не задержав зама на неприлично долгое время, и через вполне приемлемый промежуток оного Николай Игоревич почти законно вошел в кабинет. Наступил самый сложный момент – объяснить реальную причину своего появления.

Еще в период выдержки в предбаннике интервьюер успел твердо усвоить информацию на бронзовой табличке: Полуярцев Андрей Владимирович. Входя внутрь, он приготовился встретить солидного человечка с пухлым животиком, чем-то напоминающим родного главреда, но столкнулся с совершенно иной реальностью. За столом сидел светловолосый молодой человек, не старше тридцати, в безукоризненном костюме, при галстуке и ослепительной сорочке. "Неужели он каждый день так ходит?" – с ужасом подумал Самсонов, сразу вспомнив о своей клетчатой рубашке и растянутых джинсах с пузырями на коленях. Замглавы районной администрации во времена учебы Первухина еще и в школу не ходил, чем несказанно расстроил своего посетителя. Одним только внешним видом Полуярцев демонстрировал никчемность жизни, прожитой бездомным дважды неудачником. Свою перспективность в качестве журналиста Николай Игоревич желал защитить немедленно, не сходя с места у двери в кабинет юного районного начальника.

– Здравствуйте, Андрей Владимирович.

– Здравствуйте. Я могу уделить вам минут пять-десять. Извините, не припоминаю никакой договоренности…

– Самсонов Николай Игоревич, – произнес с достоинством журналист и уселся на ближайший к хозяину кабинета стул. – Корреспондент газеты "Еженедельный курьер". Простите за обман, не нашел другого способа обойти вашу пресс-службу.

– Вот как? – Полуярцев озадаченно откинулся на спинку своего кожаного кресла. – Вы что же, занимаетесь скандальным расследованием злоупотреблений в моем ведомстве?

– Да нет, что вы! Так широко я не замахиваюсь. Вопрос не политический, а человеческий. Я имею в виду недавнее открытие мемориальной доски на школе. Пишу очерк на эту тему, намереваюсь воспитать у молодежи патриотические чувства. Хоть и не уверен, что молодежь читает нашу газету.

– Неужели откопали в этой связи скандал?

– Я бы не назвал ситуацию скандальной, просто обнаружилось неприятное обстоятельство. Вам известно о фактической ошибке в тексте?

– В тексте на мемориальной доске?

– Именно.

– Что за ошибка?

– В восьмидесятом году выпуска не было, а Александр Первухин окончил школу в восемьдесят первом.

Полуярцев несколько секунд задумчиво смотрел в глаза журналисту.

– Да, неприятно. И на старуху бывает проруха.

– Значит, вы не знали об ошибке прежде?

– Нет, не знал. Что вы хотите от меня услышать по этому поводу? Раскаиваюсь ли я в содеянном?

– Нет, зачем же. Вы не содеяли ничего ужасного, просто организовали установку мемориальной доски. Проявили внимание и участие. Но вот этот ничтожный штришок выворачивает ситуацию наизнанку. Получается, нет внимания, а значит, и участия. В школе меня заверили, что предоставили вам точные данные о Первухине. На каком же этапе случился сбой?

– Они лично мне предоставили точные данные?

– Нет, конечно. Вашим сотрудникам. Но вы же несете за них ответственность?

– Да, несу. Чего вы добиваетесь? Под покровом ночной темноты тихо заменить нынешнюю доску другой? Уволить пару человек, способных на своих рабочих местах принести немало пользы?

– А вам самому не интересно?

– Что?

– Вы не хотите выяснить, кто и в какой момент проявил невнимание или безответственность, не знаю. Вас вообще взволновала хоть сколько-нибудь история о парне, погибшем где-то в тьмутаракани во исполнение гражданского долга? Ведь мы с вами представляем то самое общество, ради которого он отдал жизнь. А мы вот живем, шевелимся, как можем, решаем проблемы.

Полуярцев помолчал немного, удерживая тяжелый взгляд на своем визави. Тот выдержал испытание и смотрел в ответ светло и нагло.

– Николай Игоревич, вы всерьез собираетесь меня убедить, будто лично вас эта история глубоко тронула?

– Насчет глубины уверять не стану, – слегка пожал плечами Самсонов, – но совсем безразличным я не остался, это точно. Я поговорил с людьми, которые его помнят, сегодня увижусь с его матерью. Для меня он уже не просто имя и фамилия, а живой человек.

– Замечательно. Восхищен вашей душевностью. Теперь объясните, зачем вы проникли в мой кабинет. Я разговаривал с матерью Первухина на церемонии открытия, она была счастлива и благодарна. Мне придти к ней, извиниться, рассказать о допущенной ошибке и нанести душевную травму? И вообще, какое отношение имеет наш разговор к вашему очерку? Вы собираетесь использовать мои слова?

– В моих черновых наметках о вас нет ни слова, и у меня нет планов упоминать вас в каком-либо контексте. Я только хочу понять, как работает ваша голова. Видимо, вы дали команду организовать мероприятие, затем посетили церемонию открытия и сочли свою роль исполненной. У вас тоже в плане работы стоял пункт о патриотическом воспитании молодого поколения?

– Вы слишком много себе позволяете, господин Самсонов. Ворвались в служебный кабинет и изображаете здесь радетеля за народное благо перед лицом вампира-чинуши. Вы о существовании этого солдата узнали только благодаря истории с мемориальной доской, иначе и не услышали бы о нем никогда.

– Не спорю. Что, по вашему, хуже: вовсе не проявить внимания или проявить его формально, для видимости, так и не заметив человека? Стоит ли напоминать человеку лишний раз о том, что власть смотрит сквозь него на свои высокие цели?

– Вы пришли сюда философствовать? Заниматься политикой?

– Я пришел сюда поразмышлять вслух в надежде добиться от вас понимания.

– Что я должен понять? Что вы лучше всех на свете, а все остальные – дерьмо собачье?

Полуярцев всерьез закипел, Самсонов наслаждался каждой минутой осмысленного существования. На вопрос замглавы он не отвечал, поскольку ответа не знал. Вставлять чиновника в очерк он не планировал, так как оставался реалистом. Оскорблять никого не собирался, добиваться извинений считал бессмысленным, спор самому зачинщику стал казаться беспредмет-

ным. Но из кабинета он не выходил, поскольку испытывал блаженство от осознания собственной значимости. На прошлой неделе Самсонова даже в редакции не все замечали, сегодня он навсегда врезается в память районного политического деятеля.

– Мне вызвать охрану, или обойдемся без грубости?

Журналист услышал последний вопрос Андрея Владимировича, коротко выдохнул с оттенком облегчения и не счел возможным затягивать визит. Зачем выпускать из-под контроля такую замечательную ситуацию? Он поднялся и чинно откланялся с видом разорившегося, но сохранившего фамильную честь дворянина.

– Ждите приятных новостей о вашей карьере! – услышал он крик себе в спину и вышел в приемную с новым чувством. Если его еще и уволят, жизнь вообще переполнится смыслом через край. Правда, новой работы по специальности он здесь не найдет, а в Москве его никто не заждался, но дело в другом. О семье думать не приходится – зачем страдать без всякой надежды на счастливый исход? Собственная его жизнь никого не интересует, включая его самого. Здесь открывается море возможностей – вплоть до голодовки на главной площади. Разумеется, минут через несколько его оттуда уберут, но затем последует участок и небо в клеточку. Настоящая биография серьезного человека! Даже если отметелят – не насмерть же. А на свободу выйдет с имиджем серьезного человека, в одиночку противостоящего молоху! Мечты о бурном будущем на некоторое время затмили мысли о необходимости иметь хлеб насущный, который нужен и самому борцу, а не только его близким.

В состоянии волнения и творческого возбуждения Самсонов покинул здание районной администрации и в очередной раз вернулся в редакцию. Поиск истины увлек его настолько, что этим днем он не стал обедать. Засел за компьютер и принялся шлифовать заготовленный ночью текст, наслаждаясь каждой минутой гораздо сильнее, чем в кабинете замглавы. Теперь он гордился манией совершенства, заставлявшей его по десять раз кряду перекраивать одну и ту же фразу или перебирать один за другим синонимы, выискивая лучший. Заранее известных критериев отбора лучших не существовало – автор выбирал вариант, привлекательно звучащий фонетически или вызывающий дополнительные смысловые ассоциации.

Стуча по клавиатуре компьютера и обдумывая стилистические приемы, краем уха Самсонов беспрестанно выслушивал тишину за дверью, ожидая приближения разъяренного редактора. Неизбежность административного нападения вынуждала журналиста наращивать темп работы, все более и более уподобляясь печатающему автомату. Он спешил, словно не понимал всю бессмысленность сочинения текста, который не выйдет к публике. Трагичность творческого плена также служила вдохновляющим мотивом бескомпромиссного автора. Он всеми силами стремился вылить на жесткий диск весь запас желчи, скопившийся в нем за время корпения над очерком.

Топот и рык редактора за дверью никак не раздавался, и постепенно Самсонов стал сбавлять темп. Возможно, административные пружины райцентровского масштаба раскручиваются не так быстро, как ему подумалось сгоряча. В какой-то момент он даже покинул свое прибежище, вознамерившись испить общественного чайку. На кухоньке собралось несколько сотрудников, Николай Игоревич немного поболтал с ними по пустякам. Сначала в голове его мелькала мысль: эти люди через короткое время узнают, что Самсонов оказался вовсе не тем человеком, каким всем виделся в течение многих лет. К концу чаепития эта мысль уступила место другим, менее величавым. Вернувшись к компьютеру и попытавшись возобновить творческие поиски, он остановился. Снова прислушался и опять не услышал за дверью никаких угрожающих звуков. Занес пальцы над клавиатурой и сжал их в кулаки, а затем спрятал руки под стол. Если звонка из администрации не случится, и редактор не ворвется к нему в комнату, желая убить изменника, то его очерк станет началом скандала, а не завершением оного. Что значит "если"? Разве может не раздаться звонок из администрации, после всего случившегося там сегодня?

Шло время, звонок не раздавался, у Самсонова появились сомнения насчет важности разоблачительного материала, собранного им в последние дни. Что за разоблачение такое, какой скандал? Существует много тем, волнующих людей по-настоящему, служащих причиной социального недовольства. На их фоне история с ошибкой на мемориальной доске – совершенный пустяк, никто на нее внимания не обратит. Даже Полуярцев, судя по всему, не обратил. Да и в чем можно обвинить зама? Даже в неудачном подборе кадров нельзя, потому что от досадных ошибок не застрахован никто, и делать из единичного случая далеко идущие выводы нельзя. Разоблачать надо систему, сети, структуры и схемы. А здесь просто разовая техническая ошибка. К вечеру Самсонов, так и не дождавшись скандала, полностью лишился веры в свою значимость и на свидание с Марией Павловной отправился в подавленном настроении.

Город имел автобусный маршрут, пронизывающий его насквозь и насчитывающий несколько остановок. Одним концом он упирался в вокзал, другим – в конечную остановку на окраине, на границе с окрестными полями и лесами. Тем не менее, Самсонов автобусом почти никогда не пользовался, а ходил пешком. Не из экономии, а по внутренней склонности. Ходьба его умиротворяла и делала свободным. Около сорока минут требовалось на преодоление пешком автобусной линии, но, поскольку город был вытянут вдоль, поперек его можно было пересечь минут за десять. По глубокому убеждению журналиста, пользоваться общественным или, тем паче, личным транспортом при таких обстоятельствах значило демонстрировать обыкновенную человеческую глупость. Зачем усложнять себе жизнь и ставить себя в зависимость от других людей, если никакой насущной необходимости делать это не существовало?

Мария Павловна жила в четырехэтажном блочном доме, построенном в семидесятые годы в самом центре города. Чужой подъезд, как обычно, обдал Самсонова незнакомым и неприятным запахом, стены были расписаны и разрисованы черным маркером. Мат, нелицеприятные высказывания о некоторых жильцах и даже местные вариации порнографической продукции покрывали стены сплошь, и журналист машинально просматривал их, поднимаясь на третий этаж. Он уже представлял слезы, причитания, стакан воды для успокоения безутешной матери. Идти ему не хотелось, но долг звал.

Дверь открыла полная аккуратно одетая женщина, видимо, в праздничном наряде, смутно знакомая Самсонову по записи на видеокассете Ногинского.

– Здравствуйте! – радостно сказала она, открыв дверь на короткий вежливый звонок. – Пожалуйста, проходите. Нет-нет, не разувайтесь! Пожалуйста, пожалуйста.

Николай Игоревич терпеть не мог хозяев, уговаривающих гостей не разуваться. Ему казалось, что они после ухода гостей ругают их на чем свет стоит. Поэтому он всегда решительно скидывал в прихожей ботинки и шагал в комнату босиком.

– Ну зачем же! Я ведь говорила, не надо! Хоть тапочки наденьте! – заволновалась хозяйка при виде разоблачающегося гостя.

Журналист вбил ступни в какие-то женские шлепанцы, короткие задники которых больно врезались ему в пятки. Вслед за хозяйкой он прошел в гостиную, где обнаружился накрытый праздничный стол. Следов существования мужа в квартире не наблюдалось.

– Вы ждете кого-то? Я не вовремя?

– Да что вы! Вас и жду, кого же еще.

– Неудобно как-то, – растерялся Николай Игоревич. – Может быть, даже неэтично с профессиональной точки зрения.

– Скажете тоже, Николай Игоревич! Чего же здесь неэтичного! Как же еще гостей принимать – на лестнице, что ли?

– Я ведь не гость, – осторожно попытался Самсонов расставить точки над i. – Я на работе, и к вам пришел в качестве журналиста, для интервью, а не время провести.

– Вот за столом и возьмете свое интервью! В кои-то веки ко мне человек зашел, а я его по-походному буду принимать?

Мария Павловна явно собиралась обидеться, и Самсонов сдался. Какой же журналист перед интервью натягивает отношения со своим героем? Они уселись за стол и на первых порах приступили к разведывательному общению. Николай Игоревич в меру сил принялся поддерживать разговор на общие темы, обдумывая способ перехода к настоящей причине его визита. Затем извлек свой блокнот и ручку, задумался. Первая фраза строилась долго и утомительно, а получилась все равно корявая:

– Мария Павловна, я знаю, вы недавно участвовали в церемонии открытия мемориальной доски… Я хотел бы поговорить об этом.

– Я понимаю, – вздохнула женщина и осторожно расправила складки на платье.

Самсонов несколько секунд собирался с мыслями, потом заговорил:

– Наверное, тяжело возвращаться в прошлое? Я бы хотел задать только несколько вопросов.

– Да ничего, задавайте.

– Я за время работы над очерком выяснил некоторые обстоятельства из жизни Александра… Вы помните Светлану?

– Конечно, помню. Хорошая девочка. Саша души в ней не чаял.

– А при каких обстоятельствах вы с ней познакомились? – старательно проявил осторожность интервьюер.

– Да Сашенька ее приводил к нам домой, знакомиться.

– Все было так серьезно?

– Очень даже серьезно. Они потом, после школы уже, хотели пожениться. Перед самой армией, за несколько недель. Но Саша решил жениться потом, после службы. Говорил, мол, перед армией женятся, когда невесте не верят.

– Это сын вам говорил?

– Конечно.

– А прежде вы о ней никогда не слышали? – с прежней осторожностью продвигался вперед Самсонов.

– Так они же в одном классе учились, дружили уже тогда. Я часто о ней слышала.

– Вы виделись со Светланой… позднее?

– После гибели Сашеньки? Нет.

– Она приходила на похороны?

– Нет. Но я ее не осуждаю. Не все могут вынести такое. Я-то мать, мне на роду написано, – Мария Павловна опустила голову и судорожно вздохнула.

– Александр знакомил вас прежде с другими своими девушками?

– Нет, что вы, только со Светланой. Что бы это такое было, если то одна, то другая! Нет, только раз, со Светланой. То есть, девушки к нам в гости заходили, конечно, знаете, с компанией. На день рождения там, или еще как. Но как невеста – только Светлана.

Самсонов замялся, но затем мобилизовал весь свой профессионализм для продолжения допроса:

– Вы не помните, что за история была со Светланой?

– Какая история?

– В девятом классе, когда до уголовного расследования дошло. Александру, наверное, шестнадцать только исполнилось.

– Ах, вы об этом, – махнула рукой Мария Павловна. – Помню, конечно. Глупость совершенная. Света Сашеньку ни в чем не обвиняла, это ее родители крик подняли, брезговали нами.

– Но почему же и Светлана, и Александр молчали? Они ведь оба никак не объясняли случившееся?

– Да, оба. Сашенька и мне ничего не сказал. Не знаю, что там было, но он ее не трогал. – Мария Павловна понизила голос и наклонилась к Самсонову. – Ее родители ведь и медицинского осмотра тогда добились. Все со Светой было в порядке.

– А следы избиения?

– Так они оба были избиты. Сашеньке зуб выбили, и глаз пришибли. Разве может девушка зуб выбить! Даже следователь не поверил. Да что же мы за столом сидим, а вы к угощению так и не притронулись! Вы угощайтесь, угощайтесь! Давайте я вам салатика положу, – засуетилась хозяйка.

Самсонов принял предложение ввиду безвыходности ситуации, но нетерпение исследователя по-прежнему бередило его и не позволяло попусту тратить время.

– Мария Павловна, вам понравилась церемония открытия мемориальной доски?

– Да, очень. По-моему, замечательно все было организовано, я очень благодарна.

– Вас там обидело и расстроило что-нибудь?

– Господи, нет конечно! Чем же там обижаться? Замечательно все было.

– Саму доску вы видели, читали текст?

– Видела, конечно, и читала. А что вы такое спрашиваете? Почему я, по-вашему, должна была обидеться?

– Да нет, я просто так, на всякий случай. Мало ли что.

Журналист суетливо заметал малейшие намеки на свое запретное знание, испугавшись тяжелой сцены. Может быть, зря? Может, и не будет никакой тяжелой сцены? Какой пустяк – год окончания школы.

– Простите меня еще раз, я боюсь показаться бестактным… Вы бы не могли показать мне письма Александра? Я понимаю, лезть в чужую жизнь неприлично, но я ведь не из голого любопытства. Мне нужно составить цельный образ его личности, иначе очерк выйдет казенным, официозным, так сказать. Письма лучше всего открывают внутренний мир человека. Вы меня понимаете?

– Понимаю. Только вы здесь их читайте, с собой не уносите!

– Что вы, что вы! Конечно, здесь.

Мария Павловна удалилась и вернулась через минуту с двумя стопками писем, перевязанных красными тесемками. Бумага пожелтела, синие чернила выцвели – письма выглядели настоящим историческим источником. Журналист прикоснулся к ним с легким волнением в груди.

Письма, оглашенные в телевизионной программе, прошли редактирование – Самсонов убедился в этом совершенно, но не удивился и не разочаровался. Он счел поведение телередакторов естественным. Они ведь отвечают за тексты программ, имеют определенные критерии качества, и нельзя простому человеку обижаться на профессионалов, исполняющих свою работу. Журналиста озадачило иное: в письмах не упоминалась Светлана. Первухин проявлял сыновние чувства, не пугал мать военными приключениями, а описывал только прекрасную кормежку и хороших друзей во взводе. Он не интересовался жизнью Светланы, не выяснял, видится ли она с Марией Павловной, не передавал ей приветов. Если верить истории с помолвкой, следует предположить факт отдельной переписки Первухина со Светланой, факт каковой делал ненужным вовлечение матери в отношения обрученных. Обрученных ли? Темная история на танцах в девятом классе немало занимала Самсонова – он видел в ней невнятный силуэт третьего персонажа, который приложил руку к обоим фигурантам громкого школьного дела.

"Нужно бы повидаться с матерью Светланы Ивановны, – подумал журналист. – Она может вспомнить какого-нибудь давнего ухажера, который вовсе не являлся Сашкой Первухиным". Время сжимало исследовательский порыв автора неумолимой дланью крайнего срока, наступающего завтра. А ведь телефон матери нужно еще узнать, успеть с ней договориться о встрече, а затем и встретиться, и при этом в конечном итоге уложиться с готовым очерком до

трех. Мысли о подготовке задуманного и уже начатого очерка постепенно стали смешиваться с мыслями о полной невозможности текста в заготовленном варианте. Минут через пятнадцать-двадцать он отложил стопки писем в сторону.

– Мария Павловна, – продолжил Самсонов вслепую, – вы не расскажете мне побольше об Александре? Знаете, с кем дружил, чем увлекался.

– Друзей-то у него много было, – чуть растерялась женщина, – и к нам часто приходили, и Сашенька то и дело пропадал где-то по гостям. Всех и не упомню. А чем увлекался… С магнитофоном он все возился. И друзья его тоже. Вечно ходили друг к другу, то переписывали записи, то что-то ремонтировали. И разговоров у них много было о том, где достать записи, где какие-то детали, где новый магнитофон. Он ведь до сих пор у нас сохранился.

– Магнитофон?

– Конечно. Мишка его бережет.

– Кто?

– Мишка, сын мой. Последыш, – беззащитно улыбнулась Мария Павловна. – Семнадцать ему.

– Простите, а можно взглянуть?

– Пожалуйста, пойдемте.

Хозяйка провела гостя в смежную комнату, тот вошел и остановился ошарашенный. В маленькой комнатке, помимо диванчика, гардероба и письменного стола имелось много книг, разбросанных повсюду в беспорядке, а на стене висел красный флаг с недвусмысленной символикой. В сознании репортера возникли сюжеты теленовостей с клубами слезоточивого газа и прорывами сквозь ряды ОМОНа.

– Это ваш сын увлекается? – осторожно поинтересовался Самсонов.

– Вы о чем? – удивилась Мария Павловна.

– Да вот, о флаге хотя бы, – журналист взял наугад книжку из стопки и прочел заголовок на обложке: "Катехизис революционера". – И о книжках тоже.

– Мишка, конечно. Много стал читать, такой серьезный. В Москву все время ездит по каким-то делам. Нужно, говорит, мать. Через недельку, говорит, вернусь.

– И вы не волнуетесь?

– Да чего мне волноваться? Он же не один ездит, с друзьями. Что с ними случится? Чай, не дети. Ему в армию скоро, пусть погуляет.

Мария Павловна тяжело вздохнула.

– И давно он увлекается?

– Да нет, пару месяцев только. Вот вам магнитофон.

Мать двоих сыновей вытащила тяжелый катушечный аппарат из-за письменного стола, и журналист поспешил его принять. Зачем ему понадобился этот музейный экспонат, Самсонов и сам не знал. Это же не DVD, список записей здесь не просмотришь. Нужно сейчас его включать и слушать все подряд, чтобы услышать популярную подростковую музыку рубежа семидесятых и восьмидесятых. "Машина времени", "Пинк Флойд" и так далее.

– Вы позволите его включить? Кажется, я еще не забыл, как это делается.

– Пожалуйста, только не сломайте, ради бога.

– Нет-нет, что вы.

Николай Игоревич принялся неторопливо оживлять магнитофон. Получил от Марии Павловны стопку катушек в старых картонных упаковках, установил первую попавшуюся, нашел пустую, тоже установил. Память детства возвращалась к нему медленно, но уверенно, в процессе работы. Отмотал немного пленки, вставил в прорезь, намотал свободный конец на пустую катушку и зафиксировал его. Кажется, все точно. Символы на кнопках управления не изменились за минувшие десятилетия, что позволило Самсонову с чувством полной уверенности нажать нужную для воспроизведения. Память не подвела журналиста: магнитофон издал

звук. Николай Игоревич удивленно приподнял брови: "Битлз" играли She's Leaving Home. В музыкальном отношении Первухин оказался выше средней массы десятиклассников восьмидесятого-восемьдесят первого годов.

– Мария Павловна, кроме Александра у вас никто не коллекционировал записи?

– Да нет, кто же еще? Только Сашенька.

– Скажите, а остались у вас фотографии? Можно посмотреть?

– Конечно, пожалуйста.

Хозяйка засуетилась, усадила гостя на диван и принесла пару пухлых альбомов, из которых во все стороны выбивались снимки, вложенные между страницами. Журналист сполна использовал женскую страсть рассказывать о прошлом, запечатленном на бумаге. Он слушал подробные объяснения о том, кто изображен здесь, а кто там, в каком месте и когда сделан снимок, иногда даже – кто фотографировал, с прибавлением кратких биографических справок обо всех упоминающихся лицах.

Самсонов слушал ее невнимательно, только всматривался в разнообразные изображения Первухина. Метаморфоза от голенького младенца до хулиганистого подростка прошла через много ступеней, но, как обычно в таких случаях, зритель не мог понять ее причин, только удивлялся обыденной человеческой жизни, одной из миллионов. Дома у Самсонова можно найти похожие альбомы с похожими фотографиями, на которых он тоже сначала грудничок, потом воспитанник детского сада, потом школьник, октябренок, пионер, комсомолец, выпускник, призывник, солдат, студент, жених, муж и отец, журналист-неудачник. Нет только фотографий, на которых он изменяет жене. И точно так же, как с Первухиным, никто не сможет понять, разглядывая эти картинки, почему именно этим путем прошел изображенный на них тип. Правда, Сашкин путь прервался раньше – уже на солдате. Была даже пара его фотографий в Афгане, верхом на БТР и у палатки.

– А откуда у вас афганские снимки? – спросил Николай Игоревич. – Разве можно было оттуда присылать?

– Нет, Сашенька ничего не присылал. Это прапорщик отдал, который его привез.

Мария Павловна осторожно поправила одну из военных фотографий, чтобы краешек не высовывался наружу и не мялся. В альбоме нашлось множество снимков, любой из которых оживил бы очерк, но для публикации нужно их забрать отсюда и отсканировать, а Самсонову совершенно не хотелось уговаривать мать дать ему на время несколько карточек убитого сына. К тому же, потом пришлось бы сюда вернуться и принести их обратно, да еще отвечать за сохранность.

– Мария Павловна, а как вы сейчас живете? – неожиданно для себя спросил Самсонов.

– Да живу себе и живу, – пожала плечами Мария Павловна. – Пенсию получаю, на картонажке работаю.

– А с личной жизнью как?

– Да что вы, Николай Игоревич, – смутилась хозяйка маленького дома. – Какая в моем возрасте личная жизнь! Мишку подняла – вот и вся личная жизнь.

– Вы хотите в вашей жизни чего-нибудь?

– Да чего уж теперь хотеть? Пожила – и слава богу.

– Значит, можно сказать, вы счастливы?

Мария Павловна помедлила.

– Что же такое "счастлива"? Никого не убила, не ограбила, не обворовала. Не скажу, что никого не обманывала, но только по мелочи – кто тут без греха. Живу спокойно, червь душу не гложет. Как скажете – счастлива?

Самсонов задумался в свою очередь.

– Хорошо, если начать жизнь заново, вы сделали бы что-нибудь иначе?

– Мужика бы получше нашла, это точно, – почти без паузы ответила неудачливая жена. – Замуж-то мы дурами выходим, а когда умнеем – уж замуж никто не берет.

– А как Александр?

– А что ж Александр? Как тут изменить? Забрали – и забрали. Это уж не мне менять надо.

– Отмазать можно от армии.

– Ну да! Это сейчас можно, если деньги есть.

Доказывать матери ее вину в смерти сына – не самое возвышенное занятие на земле. Самсонов развивал тему в исследовательском нетерпении и в желании поскорее закруглить визит, не думая о благовидности собственного поведения. С каждой минутой ему становилось все тягостней.

– Что вы сейчас думаете о той войне, и что думали тогда?

– Не думаю я войне. Я вообще не понимаю, зачем войны нужны.

– Но существуют же справедливые войны?

– Наверно. Если на родину напали, как же не воевать.

– А если твоя страна напала на другую, надо воевать?

– Как же не воевать, посадят ведь.

– Ну а добровольцем надо идти?

– Кто его знает. Так не скажешь, это надо смотреть. Лучше не воевать, конечно, и не нападать ни на кого, я так думаю.

Из магнитофона звучал уже "Пинк Флойд", The Wall. Привыкший в последние годы время от времени слышать одну-единственную композицию оттуда, про несовершенство системы народного образования, Самсонов развлекся полузабытыми пассажами и задумался о своем никому не интересном прошлом.

– А вот я думаю – если война началась, нужно ее выигрывать, иначе будет еще хуже.

– Да как же выигрывать? А если не выигрывается?

– Костьми надо ложиться. В случае поражения все равно придется, только в больших масштабах. По крайней мере, с Россией всегда так получается. Мы проиграли три войны, в которых общество не желало победы: Русско-Японскую, Первую мировую и Афганскую. Да, еще Чеченскую в девяносто шестом. И что? Потом десятилетиями большой кровью в новых войнах восполняли понесенный ущерб, да так и не восполнили. Вы не согласны?

– Не знаю… Что я вам, президент какой, вы меня спрашиваете?

Своим выступлением Самсонов безжалостно растоптал фундаментальные принципы журналистской этики, и нисколько не сокрушался по поводу содеянного. В своих теоретических умопостроениях об основах профессии он давно вывел постулат хамской провокации на первое место среди всех прочих. Теперь настало время претворять идеи в жизнь.

– Когда пишут, что Афганская война – ошибка или преступление, тем самым утверждают, что смерть вашего сына не имела смысла. Не будет ли вам легче примириться с мыслью об утрате ребенка с сознанием, что его гибель не была напрасной? Мы ведь, в сущности, выиграли ту войну. Войска ушли, а дружественное нам правительство осталось у власти и прекрасно справлялось с ситуацией собственными силами. Пока мы же сами не прекратили военную помощь, хотя их и нашим общим врагам поставки оружия извне продолжались. Победа превратилась в поражение, гибель тысяч солдат утратила смысл.

Мария Павловна оторопела под натиском интервьюера и пыталась обрести душевное равновесие через спокойствие и рассудительность.

– Что такое "примириться"? Конечно, понимаю, что не вернется Сашенька никогда, а так… Лучше вообще не воевать. Вы вот говорите: "костьми надо ложиться". А своего сына допустите? Чтобы он полег?

– У меня нет сына, – просто и без затей, совершенно честно ответил журналист. – Но в войнах торжествуют страны, готовые жертвовать своими сыновьями. Ладно, Мария Павловна, извините. Увлекся я несколько дурацкими рассуждениями. Наверное, мне пора.

Самсонов поднялся, спрятал блокнот внутренний карман, выключил магнитофон, потихоньку добравшийся уже до "Машины времени" и окинул прощальным взором комнату младшего Первухина.

– Как, уже уходите? – воскликнула без подлинного чувства в голосе Мария Павловна. – Ведь так и не поели!

– Что ж, работа такая, – скорбно и скучно ответил журналист.

– Да как же так! – продолжала отрабатывать долг гостеприимства хозяйка. – Даже неудобно. Вроде как я вас голодным из дома выгоняю.

– Не беспокойтесь, Мария Павловна, я не голоден, – в прежнем тоне продолжал наигрывать Николай Игоревич, – и не переживайте так. У вас же здесь не столовая, и я не ужинать к вам приходил. Приходил я поговорить, и мы поговорили, спасибо вам за прием.

За разговорами Самсонов постепенно продвигался к выходу, но на полпути остановился, осененный новым вопросом.

– Мария Павловна, вы религиозны? Извините, я все в своем хамском ключе. Все извиняюсь и извиняюсь, но все равно спрашиваю.

– То есть, верую ли во Всевышнего?

– Ну да, веруете ли?

– Верую. Батюшка у нас очень хороший, в храме Рождества Христова. Знаете, старая церковь в центре города? Отец Серафим. Такой замечательный батюшка! После службы домой возвращаюсь – будто помолодела. И строгий какой! Казалось бы, ну что он мне сделает? А к исповеди иду – аж дрожь бьет.

– Что же он, ругает вас?

– Да нет, что вы. Наверное, печалится больше. Иногда кажется – лучше бы отругал! А он только сокрушается, почти без слов, только взглядом и голосом. Епитимью суровую наложит – так прямо с облегчением от него ухожу.

– Да что же за грехи у вас? – с обычной бесцеремонностью продолжал допрос Самсонов. – За что же вас еще наказать можно?

– Да как же? Что ж я, праведница? Смертных грехов на мне нет, слава Богу, но в суетной жизни своей грешна. То позавидую кому, то зла пожелаю. Мало ли что.

– И давно вы крестились?

– Да вот, как храм восстановили, в нем и крестилась, у отца Серафима. Когда же это было?

– В прошлом тысячелетии, – кисло сострил журналист.

– Как так? Ну да, в девяностые, – махнула рукой и улыбнулась Мария Павловна.

Самсонов несколько секунд стоял на месте, как бы не зная, куда идти, потом двинулся снова к выходу, выговаривая официальной скороговоркой ритуальные прощальные фразы:

– Спасибо вам за угощение, до свидания. Читайте очерк в следующем номере.

– Вам спасибо, что зашли! А газету обязательно куплю и почитаю.

Оказавшись на улице, журналист, вновь поколебавшись, как в квартире, отправился не в редакцию, а вновь в чужую коммуналку, в лапы сладострастного Алешки. Ему удалось просочиться к своему жилью, не будучи обнаруженным, и он обосновался там, тихий и голодный, скрываясь от слежки, словно подпольщик.

Какое-то время Самсонов, внешне бесцельно, валялся на раскладушке и смотрел в потолок. В действительности он думал. В голове клубились доводы и контрдоводы относительно разных планов очерка, ни один из которых не мог перевесить другие. Возможно, звонок из администрации уже состоялся, и главред ждет его смерти. В таком случае вообще об очерке

можно забыть, по какому бы плану его не сотворить. Если звонка не было и не будет до трех часов дня завтра, можно сунуться со скандальным вариантом. Чтобы получить втык от главного и остаться в исходной точке карьерного роста? Возможно, о карьерном росте тоже можно будет забыть. Сенсация не обнаружена, причина истерики Ногинского не установлена, повод для скандала незначительный. Кому он понадобится со своими чахлыми обличениями? С течением времени Николай Игоревич все более склонялся к компромиссному плану, и в той же мере с той же скоростью портилось настроение. Невозможность уложить в полторы тысячи слов историю жизни Первухина лишала Самсонова права браться за нее.

Голодный и терзаемый сомнениями, журналист отошел к беспокойному сну. Утром он проснулся от шума дождя за окном. Сквозь окно лился мутный свет, капли бежали по стеклам и натекали лужицами на подоконнике. Самсонов с ужасом посмотрел на пустую мокрую улицу и твердо решил на работу не идти. Закончив в меру возможностей утренний туалет и не позавтракав, он вернулся в комнату и сел на пол, опершись спиной на стену. Взял валявшуюся рядом папку Ногинского, достал из нее листы чистой бумаги, из своих карманов – ручку и блокнот, и провалился в творческий процесс. Блокнот ему не очень-то и пригодился, поскольку повествовал он об отличном парне, которого ценили друзья, который осыпал розами единственную для него девушку, ушел на войну и погиб, но которого по-прежнему помнят. По именам автор назвал только Марию Павловну и Петра Никаноровича, а также учительницу химии. В заданном объеме текст разместился с полным комфортом, без растяжек и сжатия. По мнению Самсонова, в основных позициях очерк соответствовал истине.

Труд был набело завершен к часу дня, черновые листки остались на полу, окончательный вариант лег в папку, та разместилась под мышкой у Самсонова, а сам он вышел в коридор и столкнулся с Алешкой. Тот стоял прямо за дверью и, видимо, смотрел на нее, потому что Самсонов, открыв эту дверь, сразу уткнулся взглядом в бессмысленные глаза печального соседа. Журналист молчал ошарашенно, Алешка – собираясь с мыслями. Наконец, последний сказал:

– Ты че у меня кассету-то крутил?

Николай Игоревич рассвирепел, выматерился в сердцах, после чего в самой нелицеприятной форме предложил извращенцу найти работу и не пугать людей.

– Нашел дурака – на дядю горбатиться. Я че пришел-то: ты ведь в газету пишешь?

– Пишут в газету читатели, а я там работаю.

– И че, про Первухина пишешь?

Самсонов второй раз за утро вздрогнул от неожиданности.

– Ты был с ним знаком?

– А то! Я морду ему бил.

– За что?

– За дело.

– То есть, за девчонку?

– Точно, за бабу. А че ты про него пишешь-то? Написал бы лучше про меня.

– Когда тебе мемориальную доску откроют, обязательно напишу. Если тоже мне поручат. Стану главным городским специалистам по местным мемориальным доскам.

– Не дождешься.

– Так когда ты его бил?

– А я помню, что ли? Я день не записывал.

– Ну, в школе еще?

– Конечно! После школы я его и не видел.

– На танцах?

– Да вроде.

– И как все вышло?

– Да друган у меня был, телку свою хотел поучить, а этот козел влез.

– За что поучить?

– А чтобы не динамила. Сучка такая, сказала ему, что, пока от нас не отстанет, ему ни хрена не обломится.

– От кого "от вас"?

– Ну, компания у нас была. Она с ним гуляла, гуляла, но не давала ни в какую, а потом выступила с такими заявочками!

– А что у вас за компания такая была? В ментовке часто ночевали?

– Да ты че? Какая ментовка? Ты на меня не смотри, это я сейчас бичую. А тогда рассекал с пацанами по Бродвею в полном прикиде, телок пользовал направо и налево.

Бродвеем в начале восьмидесятых на молодежном жаргоне называлась, разумеется, главная улица города, Самсонов и сам так называл ее в пору своей юности. Теперь он смотрел на Алешку и думал о невозможности случившегося. Надоедливый скудный умом сосед как бы случайно оказался причастен к сюжету порученного незадачливому журналисту очерка. Подобный авторский прием в литературном произведении Николай Игоревич без тени сомнения счел бы чрезмерной натяжкой. В происшествии ему увиделась и другая сторона: в последний вариант очерка новая история не помещалась никоим образом. С одной стороны, она укладывалась в рыцарский образ, с другой -объяснение сложного устройства личной жизни юной Светланы Ивановны займет недопустимо много места. Можно применить прием упрощенчества: пусть она станет жертвой нападения неизвестных хулиганов. Сроки поджимают, но можно попробовать втиснуть абзац-другой уже в редакции, на компьютере.

– Ну так че, ты о нем из-за этой доски пишешь? – напомнил о своем существовании Алешка.

– Написал уже, – бодро ответил ему Самсонов. – Извини, мне давно на работу пора. Кстати, а как его звали?

– Кого?

– Того другана, который телку хотел поучить.

– А зачем тебе?

– Подумал – может пригодиться.

– Перебьешься.

– Чего ты? Срок давности истек давным-давно, да и не напишет сейчас никто никакой заявы.

– Ну и что, причем здесь заява.

– Что, до сих пор его боишься?

– Кого это я боюсь?

– Другана своего. Сколько вас было-то там?

– А тебе какое дело?

– Я же о нем очерк пишу. Ты вот подкинул новенькую информацийку, надо ее вставить.

– Щас, вставил один такой.

Алешка перешел на обсценную лексику и проявил признаки агрессии, надвинувшись на Самсонова и отбросив его предупредительно вытянутую вперед свободную от рукописи руку.

– Рехнулся, что ли? – возмутился журналист, но в ту же секунду случилось непонятное. Он словно потерял равновесие, а также ориентацию в пространстве вообще, сделал несколько шагов в сторону по коридору и присел на корточки. В голове звенело, нижнюю челюсть с левой стороны пекло жарким пламенем, мысли спутались.

– Что, не нравится? – поинтересовался Алешка.

Самсонов вернулся в себя, поднялся на ноги, и не глядя на врага, молча поспешил к выходу, оставив свою чужую комнату распахнутой настежь.

На улице по сравнению с утром все изменилось. Дождь закончился, солнце слепило глаза и серебрило усыпанные капельками листья кустов, журналист излучал мужество и решимость, поскольку никто не видел его позора.

В редакции первой встретила Николая Игоревича Даша. Она улыбнулась ему, сидя на своем месте и продолжая печатать вслепую:

– Пришел? У нас тут прошел слух, что и ты исчез.

– Как видишь, нет. Мне еще минут двадцать надо, настучать текст на компе.

– Ничего не выйдет, у вас там Козлов трудится с самого утра, аж пар валит.

– И что, я во всей редакции свободного агрегата не найду? Смерти моей хотите?

– Не переживай так, не нужен тебе компьютер.

– Как это? Предлагаешь подождать, пока чудесным образом само не напечатается?

– Не надо, чудо уже свершилось. Ногинский приходил, текст оставил и уволился. Но очерк пошел в набор.

Самсонов стоял перед Дашей и молчал, переживая богатую гамму чувств внутри и ничем не проявляя их внешне. В собственном самообладании ему виделось нечто самурайское.

– Уволился? – выдавил, наконец из себя одно слово раздавленный обстоятельствами журналист, сжав пальцами с побелевшими суставами злосчастную папку.

– Уволился.

Николай Игоревич не мог понять причин, понудивших конкурента сделать гадость за пять минут до удаления с поля журналистики. Он несколько минут продолжал стоять перед беззаботной Дашей и тихо удивлялся полному исчезновению любых мыслей и эмоций из его никому не нужной головы.

Затем он без стука ворвался в кабинет главного, полный благородного гнева и желания выместить на ком-нибудь свою беспомощность. Тот встретил бунтаря весело и хладнокровно, довольный произведенным эффектом. Поинтересовался успехами, снисходительно улыбнулся на рассказ об успешно преодоленных препятствиях и объяснил, что первым задание все же получил Ногинский, он же первым его и исполнил, хоть и с опозданием.

– Ты на подстраховке неплохо выступил, – неуклюже попытался одобрить неудачника главред.

– Могли бы мне сказать насчет подстраховки, – дрожащим от возбуждения голосом ответил тот.

– И тогда ты бы проявил то же самое рвение? В любом случае, ты и сам не маленький. Мог догадаться, что при прочих равных условиях я отдам предпочтение Ногинскому. Не переживай, ничего страшного не случилось. У тебя еще все впереди.

– Слишком долго у меня все впереди, пора бы чему-нибудь оказаться и позади.

– Позади у тебя тоже хватает всякого, – рассмеялся главный. – Ладно, не маленький, хорош плакаться. Утешать мне тебя, что ли?

"Ты утешишь, как же", – подумал Самсонов, выйдя из кабинета на вольный воздух. Он вытребовал у Даши распечатку опуса Ногинского и тут же, не сходя с места, погрузился в чтение. Очерк повествовал о славном парне Александре Первухине, который имел много друзей, ушел на войну, оставив дома свою юную избранницу, и погиб, но которого по-прежнему помнят оставленные им в одиночестве люди.

Рабочий день продолжался, редакция бурлила обыденной жизнью, изредка сотрудники проходили мимо Самсонова, задевая его плечами. Журналист стоял, не обращая ни на кого внимания, и постепенно начинал думать.

4. Прошлый человек

Лиза проснулась среди ночи, как от толчка, и села на постели. В темноте просматривались силуэты знакомых предметов и старой мебели, тускло поблескивал на тумбочке полупустой стакан воды. Окно уже обозначилось светлым прямоугольником сквозь занавески, тишина разливалась повсюду. Затем раздался короткий звонок в дверь. Страшный сон какой-то. Кто мог к ней придти среди ночи? Ладно, на рассвете. Стало тревожно. Женщина спустила ноги с полупустого супружеского ложа, надела тапки, взяла мобильный телефон и осторожно пошла посмотреть на ночного гостя.

Она неслышно подкралась к двери и, не включая свет в прихожей, посмотрела в глазок. Ей открылась непроглядная темнота. Света на лестничной клетке снова не было. Лиза попыталась вспомнить, было ли освещение в порядке сегодня вечером или на днях, и не смогла. Забрав после работы Фимку от матери, она приходила домой и уже не выходила на улицу. Снова раздался короткий звонок. Если вызвать милицию прямо сейчас, можно попасть впросак.

– Кто там? – задала Лиза сакраментальный вопрос человека, находящегося в выгодном положении. Голос ее прозвучал тихо и со сна немного хрипло.

– Это я, Сергей, – громко произнес человек в темноте за дверью, словно из потустороннего мира.

– Какой Сергей? – громче и уверенней спросила хозяйка, ободренная тем обстоятельством, что незнакомец – всего лишь какой-то Сергей. Казалось, за таким именем не может скрываться ничего ужасного.

– Ломакин, какой же еще! – недовольно выкрикнул гость.

– Ну и что, что Ломакин! Что тебе нужно среди ночи?

Лиза вспомнила Ломакина сразу. Трудно забыть одноклассника, устроившего грандиозный скандал на выпускном вечере. Она встречалась с ним, невинно и беззаботно, но он счел возможным приревновать ее к партнеру по танцам, которого она сейчас и вспомнить не могла. Растолкал всех и молча ударил воображаемого соперника в скулу. Тот с размаху сел на пол, Лиза завизжала, к ним бросились друзья поверженного, затем друзья Ломакина пришли ему на помощь, завизжали другие девчонки, в гущу дерущихся кинулись учителя, свалка произошла грандиозная. Потом Лиза видела Сергея в разорванной до пупа и залитой кровью рубахе, его держали за руки несколько человек, а он матерился, пытался вырваться или на худой конец лягнуть врага ногой.

– Открывай! – гаркнул Ломакин и тяжко саданул по двери, отчего та содрогнулась.

– Ты что с ума сошел? – крикнула Лиза. – Убирайся отсюда! Дочку мне напугаешь!

– Какую еще дочку! – орал пришелец. – Открывай, тебе говорят!

– Я милицию вызову, идиот!

– Сама ты сука! Открывай!

– Ты пьяный, что ли?

– Трезвый я, трезвый! Хорош дурью маяться!

С минуты на минуту могла проснуться Фимка, соседи могли позвонить куда следует, новый скандал курьерским поездом надвигался на Лизину жизнь, и снова – по милости полоумного Ломакина.

Воспоминания о школьном ухажерстве Сергея всегда доставляли ей удовольствие. Мальчик высокий, приятной наружности, балагур, играет на гитаре и поет – что еще нужно десятикласснице, чтобы задирать носик перед подружками! В кино они ходили по всем правилам – целовались в полупустом зале на последнем ряду, и она не сразу стряхивала его нетерпеливую ищущую руку. Волнение подкатывало от груди к вискам, голова слегка кружилась, и Лиза не запомнила ни одного фильма из тех, что они посмотрели вместе.

После драки на выпускном она испугалась. Тогда глаза их встретились, и Лиза не узнала взгляд Ломакина: в нем не светилось ни грана разума. Он смотрел на нее исподлобья, так, словно она отняла у него самое дорогое в жизни, и он готов ее убить за предательство. Дело обошлось без милиции, но Ломакину предложили удалиться с торжества. Жертву его нападения, с набухшей кровью шишкой под глазом, увели домой, а Лиза долго сидела одна в темном пустом коридоре, куда почти не доносилась музыка из актового зала. С тех пор они ни разу не виделись.

Ломакин теперь трезвонил в дверь требовательно и непрерывно, время от времени усиливая эффект сокрушительными ударами. Фимка заплакала в своей комнате, Лиза кинулась к ней. Дочка сидела в своей кроватке с распущенными волосами, подсвеченная маленьким ночником, словно большая дорогая кукла в витрине магазина.

– Мама! – закричала она испуганно.

– Я здесь, здесь, маленькая, – приговаривала Лиза, села рядом с ревущей Серафимой и устроила ее у себя на коленях. Та сразу прильнула к матери, всхлипывая:

– Мама, это лазбойники?

– Нет, нет, что ты. Это один глупый дядя, я его хорошо знаю, он не страшный. Я сейчас вызову дяденьку милиционера, и он его уведет.

Лиза лихорадочно набрала номер на мобильном и пустилась в объяснения с ответившим голосом, прижимая к себе дочку и время от времени целуя ее в волосики. Ломакин продолжал ломиться в дверь, но внимания больше не удостаивался. Лиза качала Фимку на коленях, пела ей песенки, заставляла рассказывать по очереди все известные маленькому человечку стихи, и стала уже подумывать, не взяться ли сейчас за изучение новых, когда из-за двери донеслись новые звуки. Видимо, следовало открыть дверь и предстать перед толпой мужиков в темном подъезде. Уговоры на девочку не действовали, как только мама пересадила ее с коленей на кроватку, она снова заплакала. Тащить ее с собой не хотелось, поэтому Лиза, в ужасе от сложившейся ситуации, поспешила накинуть халат, запахнулась как следует, и вновь бросилась к двери, одновременно прислушиваясь к воплям из детской.

Звонки и ожесточенный стук в дверь прекратились, теперь из-за нее доносились нескольких громких голосов. Вычленить из криков отдельные слова казалось невозможным, и Лиза не понимала, как следует поступить.

– Кто там? – снова крикнула она, прильнув к дверному глазку, который по-прежнему скрывал от нее реальность.

– Милицию вызывали? – раздался в ответ незнакомый голос.

За дверью определенно скандалили несколько мужиков, и Лизе оставалось только поверить на слово очередному незнакомцу. Мысль, что Ломакин привлек соучастников и разыгрывает теперь целый спектакль, показалась ей противоестественной.

– Вызывала, – крикнула она в закрытую дверь.

– Откройте, пожалуйста.

"И этот туда же", – с досадой подумала Лиза.

– Зачем? Забирайте его, и все.

– Так дела не делаются, девушка. Надо оформить ваше заявление.

– Что здесь оформлять? Разве что-то не ясно? – с нарастающим раздражением кричала Лиза на дверь.

– Не ясно. Стучать в дверь не запрещается, даже ночью. Вы должны письменно подтвердить, что не приглашали этого человека и предлагали ему уйти. Вы его вообще знаете?

Из детской вновь донесся отчаянный вопль Фимки.

– Поймите, я одна дома, у меня ребенок плачет. Просто сделайте так, чтобы этот дурак больше в дверь не ломился, и все.

Она опять убежала к дочке в твердой решимости к двери больше не подходить. Почему целая толпа мужиков создает проблемы, которые ей, видите ли, надо решать! В подъезде развивались события, которые пока никак не сказывались внутри квартиры – в дверь не звонили, не барабанили.

– Сима, ты почему капризничаешь? – перешла в наступление на ребенка опытная мамаша.

– Я не капизничаю, я испугалась, – обиженно пробормотала та ей в халат.

– Что, и баиньки боишься?

– Боюсь. А вдлуг опять дядя плидет?

– Да пускай приходит, а мы его не пустим.

– Мама, а пускай папа его плогонит.

– Конечно, обязательно прогонит, – сказала Лиза вслух, а про себя подумала: "Ломакин этого пентюха пинком в окно выбросит".

– Мама, спой песенку, – потребовала Серафима.

– Хорошо, спою, только ты в кроватку ложись и глазки закрывай.

На журнальном столике ночник в виде кувшинки излучал смешанный желто-белый свет, тот ложился на обои причудливыми переливами, девочка лежала на правом боку, примерно подложив ручки под щечку, а мать тихо напевала ей:

Баю-баюшки, баю
Мою милую лю-лю
В няньки я к себе взяла
Ветра, солнце и орла.
Улетел орел домой
Солнце скрылось под горой,
После ветер трех ночей
Вернулся к матушке своей.
Ветра спрашивала мать
Где изволил пропадать?
Волны на море гонял,
Золоты звезды считал?
Я на море волн не гонял,
Золотых звезд не считал
Малых деточек убаюкивал!

Фимка сонно что-то бормотала – видимо, требовала продолжения. Шум в подъезде прекратился, молчание укутало маленькую квартиру мягким пологом. Лиза погасила ночник, вышла из детской и открыла дверь на балкон в своей комнате. Рассвет вставал над миром, странные невидимые птицы наполнили город своим пением, словно земной рай на время, на час-другой, возродился именно здесь, а не где-то за тридевять земель. Лиза обожала такие городские рассветы, хоть и не часто доводилось их встречать. Она зябко куталась в халат, смотрела на безлюдные улицы и думала о своих мужчинах. Снова о них, даже в такой волшебный момент!

Вздремнув полчасика, Лиза проснулась и погрузилась в обычные утренние хлопоты, разрываясь между собой и дочкой, которая, не выспавшись ночью, начала кукситься, не хотела завтракать, отказывалась идти к бабушке и вообще объявила совершенный бойкот всем усилиям матери включить ее в обыденный ритм рабочего дня. Посреди всего этого утреннего бедлама вновь раздался дверной звонок. Осмелев в светлое время суток и узрев в глазок вроде бы настоящего милиционера в форме, Лиза открыла дверь и пообщалась через порог с хмурым участковым, который первым делом сурово отчитал ее за нежелание сотрудничать с правоохранительными органами, к помощи которых она сама же и воззвала. Далее он вкратце

рассказал о задержании ночного дебошира, которое стало возможным не благодаря гражданской сознательности гражданки Самсоновой, а исключительно ввиду обнаружения при задержанном справки об освобождении из мест заключения вместо паспорта или другого благонамеренного документа. Пока он обвиняется в нарушении общественного порядка, но гражданке Самсоновой следует посетить ОВД, написать заявление и дать свидетельские показания, что позволит оставить гражданина Ломакина в заключении на пятнадцать суток. Лиза клятвенно пообещала забежать в указанное присутственное место в обеденный перерыв у себя в библиотеке, после чего благополучно выпроводила участкового и вернулась к домашним заботам. Новость о тюремном сроке бывшего одноклассника нисколько ее не озаботила и не озадачила. Подумаешь, паренек оказался еще и с придурью.

На работе ее вновь озаботила повседневность, теперь уже рабочая, библиотечная. Заведующая сразу выказала необычайную суровость, отчитав за не подложенные вчера книги, словно свет клином сошелся на них, и Лиза обязалась с утра до вечера рассовывать по полкам книги, которые ненасытные читатели приносят непрерывно. Велика беда – расставить их по местам сегодня утром, а не вчера вечером! Тем не менее, про томящегося в заключении Ломакина она вспомнила и на всякий случай отпросилась у заведующей, поскольку не надеялась уложить в перерыв и обед, и визит в милицию.

Районный отдел внутренних дел размещался в стороне от улицы, в тихих дворах, среди деревьев, в недавно покрашенном двухэтажном домике, с оружейным магазином в подвале. Лиза впервые в жизни вошла туда через главный вход, до сих пор ей доводилось бывать только в паспортном столе, с отдельным входом сбоку. Дежурному на входе она объяснила причину своего явления, дала ему паспорт, он куда-то позвонил, с кем-то переговорил, что-то записал, вернул Лизе паспорт, и скоро она уже в неком помещении сама что-то подписывала и описывала в письменной форме свое ночное приключение. В этот момент она и заметила в первый раз странность: человек в комнате смотрел на нее с загадочной улыбкой. Он определенно не пытался заигрывать с заявительницей, просто смотрел с таким видом, будто знает о ней какой-то жуткий компромат. Лиза покончила с формальностями, вышла из ОВД, но продолжала время от времени вспоминать загадочную улыбку сотрудника органов внутренних дел.

В тот день она работала в первую смену, ушла домой из работающей библиотеки, зашла по пути в магазин, забрала Фимку, подошла к родному подъезду, встретила у двери соседок и неожиданно обнаружила на некоторых лицах улыбку давешнего милиционера, а на других – строгие осуждающие мины. Последние сомнения отпали. Как никогда прежде, Лиза поняла Кафку, пустившегося без оглядки на борьбу с судом общественного мнения, только не смогла ничего поделать немедленно, а молча прошла мимо судей, удивляясь только готовности людей думать о ней плохо. В милиции ее вообще никто не знал, соседки за десять лет не могли выведать ничего предосудительного.

Далее время припустило стремглав, через день Лиза явилась в суд свидетельствовать против злодея, посмевшего нарушить ее сон. В качестве потерпевшей она долга сидела в коридоре на банкетке, утомилась, еще больше разозлилась, пробовала читать журнал, но не получилось: она долго смотрела на одну и ту же страницу, думая о своем. Наконец, вызванная для дачи показаний, она вошла в зал и впервые за много лет увидела Ломакина.

Он сидел на скорбной скамье и заранее смотрел на дверь, в которую она вошла – дожидался появления предмета своих несчастий. Лиза бросила на страстотерпца мимолетный взгляд, проследовала к указанному ей месту и долго в ответ на задаваемые судьей вопросы о Ломакине рассказывала об их общем школьном детстве, не скрыла факт платонического романа, пару раз деликатно упомянула о своем замужестве, ребенке и полном отсутствии не только отношений, но и встреч с подсудимым за все годы после школы. Про события бурной ночи она честно поведала только известные ей мелочи: среди ночи в дверь начал звонить и колотить человек, назвавшийся Сергеем Ломакиным. Поскольку дома она находилась одна и

дверь не открывала, то может подтвердить только, что подсудимый действительно является ее бывшим одноклассником Ломакиным, но ломился ли к ней в дверь он, либо кто-нибудь еще, сказать не может, поскольку по голосу да через дверь спустя столько лет узнать человека трудно.

Затем Лиза закончила свое честное выступление и по внезапному велению души заняла место в зале, вместо того, чтобы сразу уйти. Здесь она снова посмотрела на Сергея и встретила его упрямый пристальный взгляд. Неужели он так смотрит на нее все время ее присутствия на судилище? Кроме нее, в зале сидели еще два человека – то ли зеваки с извращенным чувством любопытства, то ли желающие подготовить себя морально к возможной судимости, то ли родные и близкие сегодняшних подсудимых. Лиза не отличалась от них ни изысканностью гардероба, ни гордостью взгляда, просто она оказалась единственным человеком среди всех присутствующих, на которого кто-то обращал внимание. Процесс судопроизводства мирно тек в повседневном русле, судья скороговоркой задавал вопросы, свидетели отвечали, с трудом подбирая слова, солнце лилось в помещение сквозь окна, муха зудела и стучалась глупым телом о стекло, все присутствующие занимались дремотным делом, только Ломакин переживал угрюмые эмоции мужчины, встретившего после долгой разлуки холодную к нему женщину.

По истечении десяти или пятнадцати минут судья обратился непосредственно к узнику, но все равно не смог отвлечь на себя его внимание. Тот продолжал пялиться на свою жертву. На вопрос о причине своего появления в неурочный час в чужом подъезде, Ломакин все же повернулся к любопытному служителю закона и нагло ответил:

– А что, нельзя?

– Ночью и без приглашения нельзя.

– А где это написано, что нельзя ночью в чужой подъезд зайти?

– Здесь вопросы задаю я, – сурово сдвинул брови вершитель правосудия. – Зайти можно, нельзя среди ночи ломиться в дверь квартиры, куда вас никто не приглашал.

– А что такого? Мы ведь знакомы.

– Прекратите задавать вопросы, подсудимый. Повторяю, здесь спрашиваю я, вы должны только отвечать на поставленные вопросы. Когда вы в последний раз встречались с гражданкой Самсоновой?

– Это кто такая?

– Это потерпевшая, подсудимый. А говорите – знакомы!

– Конечно, знакомы. Только она никакая не Самсонова, а Корнева.

Занятное упрямство Ломакина развеселило нескольких очевидцев, но раздражило судью.

– Возможно, в пору вашего знакомства потерпевшая действительно была Корнева, но теперь она Самсонова. И, поскольку это обстоятельство вам не известно, суд заключает, что вы не являетесь близким знакомым потерпевшей.

– Лиза, ты замуж вышла? – с детским удивлением повернулся вдруг Ломакин к рабе страстей, чем еще больше рассмешил очевидцев. Лиза вопросительно посмотрела на судью, приняв вид возмущенной невинности.

– Подсудимый, соблюдайте порядок, – сурово потребовал вершитель судеб от заблудившегося в собственных чувствах правонарушителя.

– Лиза, ты вышла замуж? – повторил вопрос несчастный, встав с места и забыв про роковое стечение обстоятельств собственной жизни. – Зачем?

– Подсудимый, возьмите себя в руки, – сурово настаивал судья.

– Сука! – перешел вдруг к умозаключениям беспокойный Ломакин.

Он начал кричать Лизе нечто оскорбительное, но не слишком членораздельное. Наверное, в суде для квалификации характера лихорадочных воплей бывшего одноклассника потребовалась бы экспертиза. Зависимость от женщины переросла из стадии привязанности к стадии

ненависти, и Ломакин исторгал ее из себя, подобно рвоте, совершенно не думая о публичности своего выступления.

В финале печальной истории он получил свои пятнадцать суток и удалился под конвоем нести кару за слабину души. Пока конвой волок его к выходу, отверженный старательно выворачивал шею, пытаясь как можно дольше не терять Лизу из виду. Она ответила неприступным выражением глаз, но продолжала смотреть ему вслед, пока преступник вместе с конвоем не исчез в темном зеве судьбы.

Прошли дни, честная мать и прилежная работница продолжала заботиться о дочке и безукоризненно выполнять служебные обязанности, часто вспоминая пережитые приключения. Жизнь в районном центре не часто расцвечивается яркими событиями, и нашествие Ломакина оказалось едва ли не единственным за все время после свадьбы.

Лиза думала о Сергее гораздо чаще, чем об отце собственного ребенка. Пускай преступник продемонстрировал прежнюю неуправляемость, но муж-то являл собой просто образец подонка! Для женщины выбор между мужчиной, не видевшим ее целую вечность и сохранившим страсть, и мужчиной, прожившим годы под одной крышей и вдруг пустившимся в сексуальные похождения по маленькому городку, совершенно очевиден.

Ломакин, конечно, имел других женщин за время после школы (не маньяк же он!), но окончательный выбор он все же сделал в пользу первого пристрастия. Отец для Фимки из него – никакой. Добытчик для семьи – видимо, тоже. О чем вообще можно говорить – уголовник, отбывший заключение и вернувшийся в родные места. Но при этом смотрит на нее жадными глазами даже во время судилища, словно не имеет более важных занятий.

Одно воспоминание не давало Лизе покоя. Недавно на улице она встретила мимоходом неверного мужа и даже машинально поздоровалась с ним, словно он вышел утром из ванной у них дома. Только целоваться не стали. Она не собиралась точить с изменщиком лясы, но он остановил ее и посмотрел прямо в глаза, словно надеясь разглядеть там скрытую от него тайну.

– Чего тебе? – недовольно спросила Лиза.

– Вопрос есть, – глухо произнес Самсонов, не отводя взгляда.

– Какой еще вопрос? Отстань, не до тебя! На работу опаздываю.

– Ничего с твоей работой не случится. Всего один маленький вопрос: о ком ты забыла?

– Что? Отстань ты со своими детскими загадками! Руку отпусти.

– Загадка вовсе не детская. Ты можешь вспомнить людей, которых забыла в своей жизни?

– Самсонов, ты уже по утрам начал пить? – выкрикнула Лиза, выдернула свою руку из мужниной и с сердитой миной зашагала прочь, не попрощавшись и не оглядываясь.

Теперь приключение с Ломакиным навело ее на коварную мысль. Самсонов во время той встречи действительно вел себя загадочно, и причины возникновения у него дурацкого вопроса она так и не увидела. Но ведь Ломакин – как раз из тех, забытых ею людей. Она не думала о нем никогда, хотя он не был просто одним из соучеников. Он не оставил следа в ее памяти. Почему? Почему не приходили на память неловкие полудетские поцелуи в осеннем парке, пока весомо, грубо, зримо не вернулся в ее жизнь заклейменный прошлым Сергей? Причина в нем или в ней?

В подобных размышлениях проводила Лиза день за днем, когда однажды после обеда в библиотеке появился сам Сергей. Мрачный, молчаливый и серьезный вошел в абонемент и остановился, глядя на нее. Они оказались с глазу на глаз, только книжные стеллажи заслоняли им свет и создавали романтичный полумрак.

– Отсидел? – скупо поинтересовалась Лиза, перебирая карточки каталога с таким видом, будто выполняла самую важную в мире работу.

– Отсидел, – ответил дебошир, прислонился к дверному косяку и засунул руки в карманы джинсов.

– Не надоело тебе на меня смотреть?

– Никогда не надоест.

– Фу ты, ну ты! Весь из себя страдающий, что ли?

– А тебе какое дело?

– Ничего себе разговорчики! Проходу мне не дает, и мне же никакого дела!

– Какая тебе разница? Вышла замуж – ну и радуйся!

– Ты ненормальный? Дался тебе мой замуж! Ты ко мне сватался, я тебе обещала?

– Не обещала.

– Ну и что тебе от меня нужно?

– Я тебе тоже не обещал, но ведь не женился.

– С ума сойти! На ком бы ты женился, интересно, в тюрьме?

– Да уж нашел бы, на ком. Что ты думаешь, я все это время сидел? Если хочешь знать, вокруг меня такие бабы увивались! А я, дурак, о тебе все думал.

– Ну конечно! Если так много думал, куда же пропал на целую вечность? Я ведь здесь рядом была. Зачем обо мне мечтать, если можно просто подойти? Я ведь тебя не прогоняла.

– Прогнала. Малого того, что прогнала, еще и забыла! Совсем за таракана меня держишь?

Лиза возмутилась не на шутку и даже с грохотом отодвинула от себя каталожный ящик, который в свою очередь столкнул со стола несколько ручек и карандашей, глухо застучавших по линолеумному полу.

– Ну, просвети меня, когда это я тебя прогнала?

Сергей оторвался от косяка, словно убедившись в его прочности и желая продолжить экспертизу в других местах помещения. Неторопливо миновав местную царицу, он стал безразлично прохаживаться вдоль стеллажей с книгами, внимательно разглядывая корешки.

– Что, знакомые буквы ищешь? – не смогла не съехидничать Лиза. – Так когда же я тебя прогнала?

– А вот тогда и прогнала.

– Когда тогда?

– На выпускном. Что я тебе, дебил какой? Я же видел, как ты смотришь.

– А сейчас ты прячешься, потому что снова боишься, как бы я на тебя плохо не посмотрела?

– Да нет, просто интересно здесь у вас, – донесся издалека приглушенный голос любознательного узника страсти.

– Ну так как же это я на тебя посмотрела, что ты с перепугу на полжизни исчез?

Луконин появился из-за стеллажей в противоположном углу помещения. В тот же момент вошла стайка аккуратненьких круглолицых юных девушек и направилась к Лизе с книжками в руках. Обличитель женской жестокости вновь исчез между стеллажами и не показывался оттуда долго, потому что появились новые читатели, которые текли тонким, но непрерывным ручейком, заменяя своих товарищей, удаляющихся из сокровищницы знаний с новым их запасом в руках. Лиза время от времени бросала нетерпеливые взгляды в направлении растворившегося в воздухе Сергея, но тот не подавал признаков присутствия.

Он вышел едва ли не через час, улучив безлюдную минуту, и быстро сказал:

– Если сегодня приду, опять ментов вызовешь?

– Если придешь часов в восемь, часок-другой можно будет посидеть, – ответила Лиза, не думая ни секунды, и через мгновение удивилась собственной наглости. Тут же вспомнились непонятные лица соседок на следующий день после бурной ночи, но еще через мгновение возобладала злость. Пускай приходит, пускай на нее показывают пальцем, пускай Самсонов узнает и покусает себе локти. Затем вспомнились родители, которые тоже узнают, но им она просто расскажет про одноклассника Сережку. Пока все эти мысли последовательно вытесняли друг друга из головы Лизы, Ломакин бесследно исчез, на сей раз безвозвратно.

Вечером Лиза оставила Фимку у мамы, а сама пришла домой раньше обычного с естественной целью приготовить какой-никакой ужин и привести себя в порядок. Работа спорилась, поскольку хозяйка не стала мучить себя сложными рецептами, а решительно обошлась скоростными. Времени на себя оставалось достаточно, она приготовила ванну с карловарской солью, разделась и собралась погрузиться в теплую воду, но задумалась. Вышла в коридор к большому зеркалу и включила свет, чтобы получше себя обозреть. Голову после душа можно облагородить и без салона красоты, Ломакин после тюрьмы все равно будет доволен. Грудь такая, какая должна быть у матери, выкормившей ребенка, а не бросившей его в омут искусственного кормления, и стесняться ее она не намерена. Тем более, с размером все в порядке, и соски не расплылись: четкими коричневыми кругами выделяются на фоне белого тела. Да, тело… Вес не бывает лишним, пусть катятся куда подальше авторы бесчисленных книг и статей, оплаченных разработчиками диет и мошеннических чудодейственных средств! Если никакими усилиями не получается уменьшить объем бедер на несколько сантиметров, значит, у нее тот вес, который соответствует ее личному обмену веществ, и точка! Самое главное, складок на боках нет, а живот у нормальных женщин всегда выпуклый. Пускай накачивают пресс ненормальные, которые не собираются рожать, а надеются обогнать мужчин в тяжелой атлетике. Лиза обольстительно покачнула тяжелыми бедрами, приняв игривую позу, и улыбнулась. Нет, не видать больше Самсонову этой красоты, пусть не мечтает!

Ломакин, так ярко зарекомендовав себя сторонником экстраординарных способов ухаживания, вдруг решил прийти в норму и явился ровно в назначенный час с банальным тортом и шампанским. Лиза встретила его сером платье с серебряным отливом и глубоким декольте, доставлявшим когда-то большое удовольствие Самсонову. Непутевый муж обожал откровенные наряды жены, полагая, что внимание к ней со стороны других самцов добавляет авторитета ему самому как обладателю всей демонстрируемой роскоши. Роскошь была исключительно телесной, а китайское платье просто выглядело раз в десять дороже своей цены.

– Ну, Ломакин, зачем же ты сходу все испортил! Неужели не мог придумать чего-нибудь пооригинальней?

– Чего? Ты что, шампанское не уважаешь?

– Уважаю, уважаю.

– Сладкого не ешь?

– Ем, успокойся. Ладно, не обращай внимания, проходи.

Гость, наряженный в костюм с галстуком, чинно проследовал на кухню со своей скучной ношей, плюхнул ее на стол и повернулся к хозяйке:

– Муж где?

– А ты рассчитывал ему морду набить? Не надейся, мужа не будет. И подробности тебя не касаются. Бросай здесь свое имущество и катись в комнату, я сейчас выйду.

Лиза заранее уставила парой тарелочек и рюмочек крохотный сервировочный столик в гостиной, чтобы очередной претендент на ее тело правильно расценил свои скромные шансы на сегодняшний вечер. Ломакин смиренно проследовал к указанному ему месту и напряженно уселся на краешек дивана, опершись на него руками и скрестив ноги. В такой позе его голова ушла в поднятые плечи, и он походил на нахохлившуюся птицу.

Лиза вышла к нему через несколько минут без шампанского, но с полной салатницей и тарелочкой бутербродов.

– Я надеюсь, ты поел, прежде чем ко мне идти? – бесцеремонно спросила она. – Ты ведь понимаешь – если женщина приглашает тебя в рабочий день к восьми вечера, значит разносолов не ожидается.

– Ничего, – рассеянно ответил Сергей. – Я о еде совсем не думал.

– О чем же ты думал, милый? Неужели все обо мне мечтал?

Гость молча выхватил из салатницы раздаточную ложку и принялся накладывать к себе в тарелку ее содержимое, словно желал продемонстрировать хозяйке одновременно хорошее отношение к ее кулинарным способностям и нежелание отвечать на глупые вопросы с заранее известными ответами. Салат с палочками самодельных ржаных сухарей, куриным филе и фасолью Лиза приготовила для демонстрации своих способностей сделать нечто практически из ничего.

– Хорошо, не хочешь рассказать о своих мыслях, расскажи, как докатился до жизни такой. Зачем сидел, зачем ко мне среди ночи явился.

– Зачем… Посадили, вот и сидел.

– За что посадили-то?

– По хулиганке.

– Опять кому-то морду набил?

– Не кому-то, а подонку одному.

– Ну кончено, он подонок, а ты – рыцарь без страха и упрека. Один бил-то, или с помощниками?

– Мне помощники ни к чему, – угрюмо заявил Ломакин, глядя в свою тарелку.

– А ко мне почему ночью явился? Пьяный, что ли?

– Трезвый. Я прямо с электрички.

– Не ври, у нас последняя электричка из Москвы во втором часу приходит.

– Ну и что? Я даже не на последней приехал.

– Значит, часов несколько где-то болтался. Дожидался удобного момента и решил, что три утра – лучше всего?

– Нет.

– Тогда давай подробности. Если ты ко мне прямо с электрички, куда девал… сколько часов ты до меня со станции добирался?

Ломакин ожесточенно употреблял салат, закусывая бутербродами. Когда пауза затянулась уже до совершенного безобразия, буркнул недовольно и честно:

– Четыре.

– По-пластунски полз?

– Нет.

– Тогда что же?

– Думал.

– До чего же ты задумчивый! Беспрестанно думаешь! Лучше бы ты так хорошо подумал, прежде чем в тюрьму садиться.

– Далась тебе эта тюрьма. Теперь до смерти попрекать будешь?

– До чьей смерти? Ты меня надеешься извести, или сам на тот свет засобирался?

Ломакин, набычившись, внимательно изучал свою опустевшую тарелку.

– Все издеваешься? Сука ты.

– Так! Приехали. – Лиза разозлилась от всей души и вскочила на ноги, задев столик. – Мне тебя на улицу вытолкать, или сам уберешься?

– Вытолкала одна такая, – усмехнулся наглый гость, продолжая сидеть и изучать тарелку. – Думаешь, с мужем справилась, так тебе все мужики ни по чем? Ошибаешься. Когда захочу, тогда и уйду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.